

"Когда снег падает вверх... (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Круглова Полина

Когда снег падает вверх...

Примерно за неделю до Нового года

Плечи болели ужасно. Казалось, еще секунда и они просто сломаются где-то у основания шеи. Шея, впрочем, тоже ныла, уговаривая хозяйку дать ей хоть пятиминутную передышку. Зоряна поставила последнюю точку, сохранила файл и победно откинула голову с копной рыжих волос на спинку офисного кресла. Шее и плечам этого показалось недостаточным. Зоряна потянулась, встала с кресла, растирая пальцами затекшие плечи. Она и не заметила, что прошло так много времени! Да, иногда она так зарабатывалась, что только к концу рабочего дня вспоминала о том, что утром хотела в туалет. Ну что поделать работа есть работа. Хотя, чего греха таить, ей нравилась ее работа, она любила драйв, любила авралы, когда весь офис стоит на ушах, когда разрывается сотовый, когда нажимаешь кнопку отбоя после напряженного разговора и видишь, что у тебя накопилось уже два пропущенных вызова.

Такой день как сегодня Зоряна не любила. Проверять документы, вносить последние правки-нудная работа — для этого нужно сосредоточиться, а в офисе, полном народа, это практически невозможно.

Придется взять документы домой и добить их за праздничные дни. Окончательный срок подачи на тендер все равно 15 января, так что время еще есть.

Она прошлась по своему кабинету на 61-ом этаже огромного бизнес-центра. Да, сидячая работа ей не нравилась именно потому, что потом чувствуешь себя развалиной: ноги на каблуках как на ходулях, спина не разгибается, про шею вообще лучше помолчать.

Подошла к окну во всю стену. Внизу Москва переливалась разноцветными огнями. Потянувшись к сотовому, восхитилась, как третье кольцо превращается в темноте зимнего вечера в сверкающую реку, то замирающую, то медленнодвигающуюся. Перевела взгляд на экран телефона — за сегодня ни одной смски, ни одного звонка от Евгения. Не то чтобы сильно обидно, они свободные самостоятельные люди, отношения их начались всего пару месяцев назад, но все-таки ей хотелось чего-то большего, чтобы о ней заботились, беспокоились, звонили и приглашали на ужин или в театр, в кино, хотелось простых человеческих отношений. К сожалению, у нее как-то такие отношения не складывались. Сначала, парутройку свиданий, были и ужины и цветы, но после первой же близости все отношения сводилось только к сексу по пятничным вечерам.

Она нажала на кнопку вызова.

— Привет, Зор, — бодро ответил Евгений. — Как дела?

Обычные дежурные фразы, без всяких там «милая», «любимая», «родная», да хоть бы «киса» в конце концов! И вот это «Зор»! Она терпеть не могла, когда ее так называли.

— Привет, Юджин! — так он представился ей в самом начале, и так она его и называла. — Дела нормально, вот только закончила одну очень нудную работу. И думаю, а не позвонить ли мне Юджину, не пригласить ли его в кино?! — сама поймала себя на том, что голос стал противно наигранным. Прямо чересчур! — Тут у нас недалеко новый кинотеатр открылся. Что скажешь?

— Зорочка, ну ты же знаешь какие в это время пробки, — заныл Евгений. — Давай лучше не

будем терять время и встретимся у тебя через пару-тройку часиков. Я уже вижу твои рыжие кудри, разметавшиеся по подушке!

— Да я хотела как-то мозги переключить каким-нибудь фильмом, — все еще попыталась настоять она.

— Так зачем вам фильм, мадам?! Вы привлекательны, я чертовски привлекателен — зачем зря время терять? — усмехнулся Евгений.

— Мадемуазель, — поправила она его, уже понимая, что вечер испорчен и даже обещанный хороший секс его не исправит.

— Что? — не понял Евгений.

Ну конечно, если слушать только себя...

— Да так, решила ненавязчиво напомнить, что я не замужем.

И тут же сменила тему:

— Кстати, а где ты собираешься новый год отмечать?

— С друзьями на даче, километров 50 от Москвы, чудесное место, лес, тишина, можно выпить и забыться, — радостно ответил он. — А ты?

Н-да, ее приглашать, оказывается, никто и не собирался. Так, роль любовницы на ночьку ей явно надоела!

— Я тоже уезжаю из Москвы, — тут же придумала она, хотя собиралась провести новый год с ним. — Немного, правда, подальше, чем ты.

— Куда-то в далекие теплые страны? — оживился Евгений.

— Да нет, в пределах нашей родины, — усмехнулась она. — Слушай, мне надо бежать, я тебе позже перезвоню, когда закончу работу, ладненько?

— Ну, я буду ждать, — томно проговорил он в трубку с придыханием.

Фу, теперь она точно знала, что больше ему не позвонит.

Она все еще наблюдала медленно движущуюся сверкающую реку третьего транспортного кольца, когда пошел снег. Сначала она на него и внимания не обратила, отвернувшись, начала собираться домой. А потом решила еще раз полюбоваться морем огней внизу, развернулась, предвкушая, как перехватит дыхание от потрясающего вида, и... открыла рот в изумлении: снег крупными пушистыми хлопьями падал... вверх! Она продолжала заморожено следить за медленно поднимающимися снежинками, она могла видеть каждую, танцующую в свете, лившемся сквозь стеклянную стену ее кабинета. Как такое возможно? Как в каком-нибудь фантастическом фильме! Но это реально! Вот, прямо перед ее глазами! Да, бывает же! Если можно было бы открыть окно, она бы высунула руку, чтобы почувствовать снежинки на своей ладони!

Зоряна развернулась и с улыбкой вышла из кабинета — настроение резко поднялось.

Столкнулась при выходе с помощником директора, Игорем.

— Здравствуйте, Зоряна Владимировна! — чуть поклонился он.

Ей немного раздражала его манера вести себя уничижительно. Тем не менее, она улыбнулась в ответ:

— Да пора уже прощаться, а мы еще не здоровались! Ты где пропадал? Целый день тебя видно не было.

— Да, вы же знаете, то там, то сям, — уклончиво сказал тот.

— Ну, знала бы не спрашивала, — рассмеялась она, вытаскивая свою шубу из гардеробного шкафа. — Целый день вам звоню, тебе и Олегу Дмитриевичу, а от вас ни слуху, ни духу.

— Так Олег Дмитриевич сегодня целый день в Трансконсе на совещании, на звонки не отвечает.

— Ах, да, я забыла! Ну, ладно, Игорь, до свидания! До завтра!

— Счастливенько, Зоряна Владимировна! — снова угодливый полупоклон.

Она запахнула шубу (никогда не любила застегиваться, один из ее бывших даже смеялся как-то, что ее, наверное, любовь греет, раз она в мороз незастегнутая ходит) и вышла в коридор к лифтам.

* * *

Начальник железнодорожной станции маленького заштатного городка Энска Денисенко Николай Васильевич удобно устроился на стуле, с умилением глядя на чашку с дымящимся чаем. Самое приятное время в ночном дежурстве — вот это. Когда можно глотнуть горяченького, так чтобы согреться, устроиться на кушетке и подремать всласть. Рука уже потянулась к чашке, когда дверь открылась, и в комнату ввалился молоденький милиционер. Рука Николая Васильевича медленно опустилась, лицо приобрело выражение уставшего от жизни человека:

— Плавков! Ну что ты врываешься без стука? Ночь на дворе, а ты мне тут ветер гоняешь!

— Николай Висилч, там... там женщина... — задыхаясь лепетал Плавков, показывая обеими руками в сторону двери.

— Плавков, ты в своем уме? Какая женщина?

— Женщина! Там лежит! Но не труп еще...

При слове «труп» Николай Васильевич позабыл и про чай и запланированную дрему, вскочил с места, намереваясь следовать за Плавковым. Труп в их тихом городке? На его станции? Да еще и перед самым новым годом! Этого еще не хватало!

— Ты что мелешь? Что значит «не труп еще»? Что за женщина? Говори толком! — уже зарычал он.

— Ннне знаю, Нннниколай Васильевич, ее того... обходчики с путей принесли. Скорую уже вызвали, они ей там того... руки-ноги растирают, а я это...к вам сразу.

— Как нашли? Бомжиха замерзла?

— Да нет, похоже, богатая дамочка, в сапожках на каблучицах, только без шубы... вообще без верхней одежды, ее это... из сугроба вытащили. Она без сознания, ее бы и не заметили, если бы не собака ихняя.

— Кого — ихняя?

— Да обходчиков же! Собака лаять стала, вот они того... и увидели рыжие волосы в сугробе.

— Где они?

Уже торопливо идя по коридору, услышали вой сирены скорой.

— Пошли врача по дороге заберем, — кивнул Николай Васильевич в сторону выхода из здания.

* * *

Ее шатало из стороны в сторону. Как убрать эту качку?! Она с трудом повернула голову и попыталась открыть глаза. Веки казались склеенными, никак не хотели открываться! Тогда она попыталась поднести руку к лицу, чтобы попробовать их разлепить. Но рука, чуть приподнявшись, бессильно упала, ударившись о край чего-то — кровати? Нет, так бы не мотало. Может она в море и сильная качка? Почему-то эта мысль вызвала стон.

— О! Доброе утро, спящая красавица! — услышала она бодрый голос откуда-то издалека, словно сквозь вату.

Она все еще никак не могла разлепить веки, а ее уже начали похлопывать по щекам, тот же бодрый голос задавал какие-то вопросы, что-то от нее требовал. Потом вдруг ее веко разлепили, начали светить в лицо фонариком — она что, в гестапо? Все это ей не нравилось. Она пыталась отвернуться от навязчивого света и от этого бодрого голоса, чего-то настойчиво от нее хотевшего. Она хмурила брови и всячески пыталась показать, как ей все не нравится. Тем не менее, веки разлепились и она увидела голову в тумане. Странно, откуда в тумане взяться голове?

Голова приблизилась, оказалось, голова находится на плечах. Это хорошо! — облегченно выдохнула она. Голова не одна!

— Вы меня слышите?

Какофония звуков наконец собралась в стройный вопрос.

— Ммм уууу — попыталась высказаться она.

— Отлично. Вас нашли на железнодорожном вокзале в бессознательном состоянии. Как вас зовут? Кому можно позвонить из ваших друзей, родственников?

Она видела, как на голове двигались губы, они явно что-то говорили. Говорили ей, значит надо отвечать. А что отвечать?

— лова, — прошептала она. Голос был странный хрипло-скрипучий. Провела сухим языком по пересохшим губам. Наверное, выпила вчера много!

Что-то холодное и мокрое легло на губы. Стало приятно, и она снова захотела заснуть, но ее опять начали тормошить.

Она снова расплющила веки и уставилась на голову.

— Вы меня слышите? Вы понимаете, что я вам говорю? Как ваше имя?

— Голова, — выдавила она из себя.

— Что? Болит голова? Что еще болит?

Эта бодрая голова ее достала! Она хочет спать! Что ему от нее надо?!

— Петрович, аккуратно там на выбоинах, похоже у нас черепно-мозговая! — голова отделилась от нее, почти растворяясь в тумане.

— Сделаем, Дмитрий Александрович!

Голова снова приблизилась к ней настолько, что она могла рассмотреть лицо, темные глаза под насупленными бровями внимательно вглядывались в нее. «Красивый мужик», — отметила она про себя на автомате.

— Вы знаете, как вас зовут?

Зовут? Зовут как? На помощь? Да, когда нужна помощь, зовут. Как ее зовут?... Когда нужна ее помощь, как ее зовут?... ее зовут...

— Вы помните ваше имя?

Какой приятный бархатный голос, но как же он ее достал! Надо что-то сделать, чтобы он дал ей, наконец, поспать.

— Имя... — повторила она в надежде, что теперь ей можно будет закрыть словно посыпанные песком глаза.

— Да, как ваше имя?

Да его ничего не удовлетворяет!

— Имя... — снова повторила она, начиная раздражаться не на шутку.

— Меня зовут Дмитрий Александрович, как вас зовут?

Что-то появилось в его голосе... Как будто ему было очень важно, чтобы она ему что-то сказала... А что ему сказать? «Имя» она ему сказала, а что еще — она не знала. Думать было очень трудно. Хотелось спать.

— Хорошо, отдохните пока. — Голос был очень озадаченный. Потом она увидела, как плечо подтянуло руку к голове, и ладонь приложилась к уху. — Вера Михайловна, здравствуйте еще раз. Вы еще в лаборатории?... Вы не могли бы задержаться?... Я вас очень попрошу. Я везу женщину. По-моему, у нее амнезия... Нашли на станции без сознания... Сознание затуманено, рефлексy заторможены. Я хочу посмотреть, что у нее анализы покажут... Спасибо большое — едем.

* * *

— Дмитрий Александрович, вы домой? — спросила маленькая женщина в свалывшейся

искусственной шубе нараспашку. Под шубой виднелся воротничок белого халата. Зинаида Станиславовна уже давно работала на скорой медсестрой. А что делать? Пенсии не хватает, а на скорой всегда нужны лишние руки.

— Нет, пойду, проверю, как там наша спящая красавица, — ответил он, потирая уставшие глаза. — Доброй ночи, — кивнул на прощанье он медсестре.

— Езжайте спать, Дмитрий Александрович, вы же сутки уже не ногах, — покачала та головой.

Да, пошли уже вторые сутки, как он не спал. Нет, он, конечно, подремывал в перерывах между вызовами, но это был не полноценный отдых. Хотя полноценного отдыха у него не было уже несколько лет.

* * *

— А может я с дозировкой не рассчитал? — будто сам с собой пробормотал Демидов.

Кабинет главврача был оазисом спокойствия в сумбурном мире больницы, мире боли, крови, поломанных костей.

— Дмитрий Александрович, ты же классный хирург, вот ты когда подходишь к столу в операционной, у тебя есть четкий план, что делать, но ты никогда не знаешь, что может случиться и как закончится операция, ведь так?

Увидев застывшее лицо собеседника, главврач быстро проговорил:

— Извини, неудачный пример. Ты все сделал правильно! В этом нет твоей вины! Каким бы классным ни был врач, он не может предугадать, как поведет себя организм в том или ином случае.

Демидов размышлял, говорил ли главврач о случае с этой женщиной или о его прошлом, уговаривая его не впадать снова в черноту.

— Ну что? Сам анализы видел. У нее в крови лошадиная доза клофелина! Чудо уже то, что она жива и очнулась.

— Но она ничего не помнит! — прошептал Демидов.

— Ничего! Память вернется со временем. Ты лучше скажи мне, куда ее девать прикажешь?

— Как то есть куда девать? — Демидов изумленно уставился на главврача.

— Вот то и есть, — вздохнул тот. — Девушка явно не местная, родственников нет, страховки нет, имени нет, денег нет. Вот и думай, куда ее девать?

— Но, Виктор Степанович, но ведь ничего не случится, если она в больнице останется, ведь не выгонять же ее в самом деле!

— Милый мой! Да под новый год не то что врачей, больных никого не будет! Больница будет пустая! Кто за ней присмотрит? Да и повода для дальнейшей госпитализации у меня нет: температуры нет, признаков воспаления, переохлаждения, отморожения никаких! Кроме того, что у дамочки память отшибло больше вообще ни-че-го! Вообще не понимаю, как она умудрилась пролежать в сугробе раздетая и даже не кашлянуть!

— Может все тот же клофелин и помог, — пожал плечами Демидов.

— Нда! Вот после этого и говори: «такого не бывает». Вот ведь — бывает! — развел руками главврач. — Слушай, а ты ее не возьмишь к себе на постой? Ты у нас парень одинокий, незамужний, тьфу ты, неженатый. И комнат у тебя две.

— Виктор Степанович, да вы что! — возмутился Демидов.

— А что? И присмотришь за ней заодно! А может и поможешь ей что вспомнить! Случай-то интересный! — Виктор Степанович прищурился, вглядываясь в хмурое лицо Демидова. Главврача не пугали ни насупленные брови, ни грозные взгляды темных глаз, ни небритое помятое лицо. Он знал Димку, когда тот еще под стол пешком ходил, именно он стал подсовывать ему книги по медицине, когда у того появился первый интерес к этой области, именно он порекомендовал поступать только в Москву, там лучшие профессора, там уж парня заметят и заметили, только... — Ладно, Дим, сейчас говорить нечего, иди домой, выпишись, подумай, а завтра забирай свою спящую красавицу, пропиши ей витаминки какие-нибудь для улучшения памяти. Хотя вообще не представляю, как такое вообще возможно! Слушай, а она не симулирует?

— Ну вот, Виктор Степанович, вы в ней не уверены, а мне подсовываете!

— А ты и испугался! Что она с тобой сделает, с таким бугаем?!

— Ладно, я пошел спать. С вами разговаривать — легче с дьяволом договориться.

— Это точно! — рассмеялся главврач. — Иначе меня бы здесь не было, — хитро добавил он.

* * *

— Дмитрий Александрович, вы сменились? — спросила подбежавшая к нему запыхавшаяся девушка.

— Да, а что случилось? — видя перепуганные глаза новенькой, задал он вопрос.

— Да у нас там похоже черепно-мозговая, жена мужа молотком по голове тюкнула.

— А Савельев где?

Савельев должен был его сменить.

— Нету, — беспомощно развела она руками.

— Ладно, — устало смирился он с неизбежным. — Машина, водитель, медсестра — все есть? Мои уже дома спят.

— Да-да, Дмитрий Александрович, поедете, да? Спасибо большущее, — заулыбалась новенькая.

* * *

— Семенова, пожалуйста, уберите это, — Демидов устало кивнул на бутылку шампанского в руке женщины.

— Дмитрий Александрович, возьмите, ведь новый год же! — стараясь засунуть ему бутылку, умоляющим тоном приговаривала дородная бабища. — Спасибо, что вы моего оболтуса

вылечили.

— Да не за что, — устало махнул рукой Демидов. Лучшим подарком было бы, если б вы меня вообще не вызывали.

Это заметили уже все, что мать-одиночка старалась почти в каждую смену Демидова вызывать скорую. Как она узнавала, что он работает не в свои смены, оставалось загадкой. Наверняка у нее был свой осведомитель в диспетчерской. Ну и ладно! Бог с ней, с Семеновой. Он очень устал, просто валился с ног.

Засунув бутылку в карман дубленки и, наскоро попрощавшись, он потопал по лестнице вниз в машину. Савельев, сволочь, так и не появился, хоть бы позвонил, зараза. Забухал, небось, как за ним водится, а теперь на глаза стыдно появляться. Это был не первый раз, когда Демидов дежурил за Савельева. Ведь были времена, когда и он вот так уходил в запой, и Савельев без каких-либо упреков дежурил за него по двое суток подряд.

Все! Последний вызов! Домой, спать! И не просыпаться до следующего года!

Уже на подъезде к больнице он вспомнил о спящей красавице. Вот наказание! Что с ней делать?! Сейчас начнет артачиться, а он так устал! Может завтра ее забрать? Или поспать хоть пару часов и потом приехать? Нет, парой часов он не обойдется, а потом вообще может про нее забыть. Надо забирать пока помнит.

Почесав заросшую щетиной щеку, он вылез из машины скорой помощи в солнечный новый день и... встретился взглядом с Савельевым. Без каких-либо приветствий и комментариев он показал на него указательным пальцем и выдал безапелляционно:

— Ты дежуришь за меня в новогоднюю ночь!

— Димыч, без вопросов! Ну извини, мужик, вчера надрался, не мог пошевелиться.

— Ладно, проехали, — махнул рукой Демидов, идя размашистой походкой к зданию больницы.

* * *

Палата казалась пустой, пять кроватей были аккуратно застелены разноцветными покрывалами, на тумбочках стояли какие-то банки, чашки — видимо, должны были обозначать присутствие больных, которые кто как, хоть ползком, но ушли домой отмечать новый год с семьей. И только на шестой кровати, свернувшись калачиком, лежала спящая красавица. Кто-то из сердобольных пациенток выдал ей растянутые треники и огромную полинявшую от долгих стирок рубаху. Уютно устроившись на подушке, подперев кулачком щеку, она увлеченно читала книгу в мягком переплете.

Отсутствие других пациентов почему-то сделало атмосферу более интимной что ли, поэтому он к своему удивлению постучал в открытую дверь. Да что это с ним!

Она вздрогнула, и быстро отложив книгу на тумбочку, села на кровати.

— Доброе утро, — улыбнулась она своими зелеными глазами. Разводы потекшей косметики, которые он видел, когда вез ее на скорой, исчезли без следа. Теперь ее лицо было по-детски чистым и неестественно белым, хотя может это и естественно для рыжих. Жаль рыжая копна превратилась в унылые сосульки.

— Утро добрым не бывает, — буркнул он народную мудрость.

На секунду улыбка готова была сбежать с ее лица, а потом расцвела еще больше:

— Почему? — удивилась она бодро. — Сегодня такое солнышко!

Она показала в сторону окна, за которым действительно в отличие от последних пасмурных недель светилось голубое небо. Такой голубизны зимой практически не бывает. Наверное, небесная канцелярия решила людям устроить праздник под новый год, подумалось ему. Как же он устал! Ему было все равно, какого цвета небо, солнце или ее зеленые глаза!

Со вздохом он присел на противоположную кровать, снова потер заросшую щеку.

— Слушайте, больница на праздники закрывается. Здесь никого не будет, — добавил он, чтобы она лучше поняла смысл. — Главврач не хочет нести за вас ответственность, мы не знаем ни как вас зову, ни ваш адрес, ни ваших родственников. Поэтому вы некоторое время поживете у меня.

Он внимательно следил за выражением ее лица, но никак не мог понять, о чем она думает.

— Других вариантов, я так понимаю, у меня нет, — скорее утверждение, чем вопрос.

Он кивнул, продолжая изучать ее лицо. Что-то было в нем, что притягивало взгляд. Нельзя сказать, что она была красива, но своеобразна — это точно. Белая прозрачная кожа с россыпью веснушек, гладкий высокий лоб, аккуратненький чуть вздернутый носик, пухленькие губки... Так стоп! Он устал! Ближайшие планы на будущее — спать! На чем мы остановились? Ах, да, надо перевезти ее к себе.

— Я сейчас постараюсь достать какую-нибудь обувь. Можете завернуться в одеяло — до машины дойдете, я его потом верну. Собирайтесь, я сейчас вернусь.

Она все еще сидела на кровати, блистая своей белизной в лучах солнца, немеряно для зимы бьющего в окно.

— А почему главврач решил переложить ответственность на вас? — он уже выходил из палаты, когда услышал вопрос с издевкой.

— Может он хочет меня женить, — пожал он широкими плечами, не оборачиваясь. — Не переживайте, в данный момент, я ни на что не гожусь, так что насиловать вас не буду.

— А потом? — засмеялась она.

— Потом посмотрим, — его губы против воли растянулись в улыбку.

* * *

Солнце, нещадно слепящее глаза, играющее бликами от сугробов белого снега, поддерживало в нем последние остатки сил. Пока они молча ехали в его баклажанного цвета шестерке с помятым крылом и вмятиной на пассажирской двери, ему вообще показалось, что спать не так уж и хочется. Лицо само расплывалось в улыбке то ли от долгожданного солнышка, то ли от коротких взглядов на пугало, сидящее на пассажирском сиденье. Натуральное пугало: в чужом, дурно пахнущем тулупе, из воротника которого торчал только вздернутый носик, в огромных валенках на голые ноги, да зеленые глазищи, удивленно по-детски распахнутые,

впитывающие в себя все, что происходит вокруг.

Но когда они вошли в теплый темный подъезд хрущевской пятиэтажки, на него сразу нахлынула новая волна усталости. Передвигать ноги уже почти не было сил. Дойти бы до третьего этажа!

Полез за ключами в карман, нащупал бутылку шампанского, с проклятьями выудил все-таки связку и наконец открыл дверь. Все! Квартира встретила знакомыми домашними запахами. Сон!

По пути стаскивая ботинки, снимая дубленку и раскручивая шарф, кидая это все куда придется, он прошлепал в комнату:

— Братъ у меня нечего, так что воровать вы не будете. Можно посмотреть чего-нибудь в холодильнике, может найдете чего-нибудь кроме повесившейся мыши — бурчал он, направляясь в спальню сквозь проходную комнату, по ходу движения махнув рукой в сторону — по-видимому кухни. — Ванна, туалет, — снова неопределенное махание рукой в сторону. — Располагайтесь. Не шуметь, ко мне не входить даже в случае третьей мировой. Все! Я спать!

И он скрылся за дверью второй комнаты.

Она услышала, как он со стоном повалился на кровать и все стихло.

Она еще некоторое время постояла посреди маленького темного коридорчика, потом аккуратно, чтобы не шуметь, вытащила ноги из валенок, собрала его разбросанные ботинки, поставила аккуратно рядом, не спотыкаться же об них в темноте! Повесив тяжеленный воняющий тулуп на вешалку, прошла в комнату. Снова немного постояла, оглядываясь.

Старая «стенка», диван, два кресла, журнальный столик с пультами от телевизора и еще какой-то техники, вот собственно и вся обстановка.

Она осторожно присела на край дивана, уселась поудобнее, положив руки на колени, как маленькая девочка. Посмотрела на телевизор, но подумав, решила, что включать не стоит, вдруг она его разбудит. Спустя минут пятнадцать сидеть стало неинтересно. Снова встала, прошла по комнате, рассматривая все, что лежит-стоит в «стенке». Особо рассматривать было нечего: книжные полки, старый сервиз, разбросанные журналы. Вздохнув, еще немного покрутилась в комнате и решила пойти обследовать кухню. По пути встретила дверь, которая, как оказалось, вела в ванную-туалет. Мужской дух ударил в ноздри с самого порога. Оглядев чугунную ванну, перевела взгляд на пару книг и журналов на крышке стиральной машины, прямо напротив места заседания. Значит, любим посидеть-почитать, хмыкнула она. Повернувшись выходить, натолкнулась взглядом на зеркало. Большое зеркало в пол на стене коридорчика. Подошла поближе, с интересом рассматривая себя. Свалывшиеся торчащие волосы, синяки под глазами, бледное узкое лицо, на котором выделяются только большие распахнутые глаза. Идем дальше-ниже. Она оттянула ворот необъятной полинявшей рубахи, заглянула внутрь. Н-да, она женщина, две белые выпуклости не оставляли сомнения. А... а где... она прошарила руками ниже, пощупав себя по попе сквозь трикотаж растянутых треников и горестно вздохнула. Белье, ее нижнее белье, которое она постирала в больнице, осталось сушиться на батарее, прикрытое от нескромных взглядов подаренным соседкой по палате полотенцем.

Вздохнув еще раз, пошлепала босыми ступнями на кухню. И сразу чуть не упала, запнувшись о пустую бутылку, та перевернулась и с шумом покатила по полу. Она быстро нагнулась, быстро догнала бутылку и, схватив ее, прижала груди, зажмурившись, ожидая громового

окрика проснувшегося от грохота хозяина квартиры. Но все было тихо. Она тихонько выдохнула, открыла глаза и осмотрела кухню. Та была бы ничем не примечательна, если бы не одно «но»: полпола было уставлено пустыми бутылками, разного размера и качества: водка, пиво, виски, портвейн, опять водка, водка, пиво и так далее. Половина кухни была абсолютно без навигации. Она с ужасом оглядела безумное количество тары, пожалала плечами и решила удалиться из кухни, пока не перевернула еще чего-нибудь и не наделала шума.

Вернувшись в комнату, снова устроилась на диване, посидела, подумала: может тоже соснуть? Но спать не хотелось. Она рассеянно покрутила пальцем волосы, и подумала, что неплохо бы принять ванну или принять душ. Решив, что это неплохая идея, она снова подошла к порогу ванной. Нет, с запахом явно что-то надо делать. И пока в туалет не хочется, лучше все-таки обеспечить себя стерильностью. Он, конечно, врач, но вся квартира пахла холостяцким жилищем.

Решив занять себя уборкой, обследовала ванную еще раз уже на предмет чистящих средств, нашла даже нераспечатанные резиновые перчатки (может, у него домработница есть?) и взялась за дело.

* * *

Его разбудили непонятные звуки. Он лежал еще несколько секунд, уткнувшись в подушку, пытаясь определить источник и природу звуков. Кто-то скреб что ли? Где-то недалеко, за стенкой. Со вздохом перевернулся на спину и открыл глаза. За окном было уже темно, только уличный фонарь светил, как подозревал Дмитрий, не столько освещая улицу, сколько гестаповски заглядывая в окна к жильцам дома.

Он с наслаждением потянулся, почмокал губами, прислушался: звуки продолжались. Со вздохом слез с кровати, открыл дверь в смежную комнату и застыл в проеме двери. Во-первых, он забыл о новой соседке по квартире, во-вторых, пытался понять, что за звуки она издает, сидя на диване в темноте. Сделав пару шагов и пошарив рукой по стене, он включил свет. Звуки прекратились. Ее фигура сжалась, как будто она хотела сделаться невидимой. Он продолжал стоять с рукой на выключателе, пытаясь понять, что делать, в зависимости от того, что происходит, а что происходит, он никак не мог сообразить. Наконец, видимо, заинтересовавшись тишиной, она подняла голову от колен.

— Извините, — пробормотала она, шмыгнув носом, после чего он наконец-то понял, что она плакала, и звуки, разбудившие его — было ее шмыгание. — Простите, что разбудила.

— Ничего, — пожал он плечами, потихоньку убирая руку от выключателя.

Слезы струйками потекли по ее бледному лицу, она снова шмыгнула и уткнулась в полотенце.

Он никогда не умел успокаивать женщин, и женские слезы вообще не мог выносить. Поэтому сделал то, что делала всегда: сел рядом на кресло и, глядя в сторону, стал ждать, когда плач завершится и ему членораздельно объяснят причину водопада из слезных желез.

Через минуту всхлипывания пошли на убыль, и она снова подняла рыжую копну, обратив к нему вытянутое лицо:

— А я даже сказать не могу, почему плачу. Просто чувствую себя как в лесу.

— Почему в лесу? — он не мог сказать, что его больше удивило: упоминание леса или то, что она пыталась объяснить ему причину плача.

— Не знаю, — всхлипнула она и снова с всхлипом уткнулась в полотенце.

Он терпеливо ждал, зная по опыту, остановить этот поток женских слез невозможно в принципе.

В минуту очередного затишья:

— Я, наверное, единственный человек на свете, кто не может толком объяснить, почему плачет, — всхлипнула она, снова оторвав лицо от полотенца.

— Не расстраивайтесь, — усмехнулся он. — Для женщин это совершенно нормально.

Она улыбнулась сквозь слезы, потом, немного подумав, рассмеялась.

— У вас все женщины плачут без причины?

— Вообще-то вы первая женщина, плачущая в этих стенах.

Она снова улыбнулась, на этот раз смущенно:

— Вы извините, я покопалась в ваших вещах и позаимствовала рубашку и шорты.

— Да, пожалуйста, — кивнул он.

— И полотенце тоже, — демонстрируя ему мокрое полотенце в ее руках.

Он просто кивнул.

— Мне не хотелось после душа надевать ту же одежду, в которой я была в больнице.

— Хорошо, — только и ответил он. — Вы ели?

— Эээ... нет.

— Пойдемте, чего-нибудь пожую, я жутко голодный, — пожаловался он, почесывая свою взъерошенную после сна шевелюру.

Она кивнула удаляющейся широкой спине, затянутой в грязно-коричневого цвета футболку и узким бедрам в съезжающих с них джинсах.

* * *

Оторвавшись от созерцания содержимого холодильника, он мельком взглянул на показавшуюся в дверях Вицу, как он сократил Спящую красавицу. Ну надо ж ее как-то называть, хотя бы про себя.

Шорты??? Ну ладно его темная рубашка, она была даже ему большевата, поэтому он ее практически не носил, а уж на ее узкой фигуре она вообще казалась необъятным парусом. Зато выглядывающие из-под рубашки «шорты», которые вообще-то были его трусами, ну да довольно свободными, да плотный зимний вариант, но не шорты же. Опускать глаза ниже на стройные ноги он не стал, быстро отвернувшись и практически нырнув головой в холодильник.

— Тааак, что у нас тут завалилось... Хм... из съедобного практически ничего. Значит будем варить пельмени!

Она проскользнула к столу и тихонько пристроилась на краешке протертого стула, попыталась поджать босые ступни под себя, но потом передумала и оставила ноги как есть на полу. Понаблюдала за широкой спиной, роющейся в светлом нутре старенького холодильника, опустила взгляд ниже... и нервно сглотнула. Боже, да любой душу продал бы за такую задницу!

Откуда у нее такая мысль? Она попыталась покопаться в голове, как делала уже не раз за последние пару суток, но так ничего и не нарыла. Хоть бы какой-нибудь свет, как вот от этого старенького холодильника, в полной черноте в ее голове! Она вздохнула и уставилась на широкие клетки полиэтиленовой скатерти. Наверное, у нее давно не было секса. Или она профессиональная соблазнительница? А может она проститутка? Нет, для проститутки секс — работа, они наверняка не испытывают тянущей слакой боли внизу живота при виде мужчины. Даже если этот мужчина высок, широк в плечах, узок в бедрах, и у него такая обалденная задница! Или ее просто возбуждают мужские задницы?

— Дмитрий Александрович!

— Ммм? — отозвался он, занятый кастрюлей с водой для пельменей.

— Вы создаете впечатление человека, умеющего мыслить аналитически.

От этой фразы он чуть не выронил кастрюлю, перенося ее от раковины к плите.

— С чего вы сделали такой вывод, позвольте узнать? — повернулся он к ней в полном изумлении.

— Да не знаю я, — в отчаянии махнула она рукой. — Не зна-ю! Просто иногда слова складываются в голове, а откуда они берутся — понятия не имею!

— Так ладно, — он наконец-то поставил кастрюлю на плиту и, присев на второй стул, взял ее за подбородок профессиональным жестом: — Следим за моим пальцем, так... хорошо...

Она водила глазами вправо, влево, следуя за его рукой. Ей не нравилось чувствовать себя пациенткой с ним, но в данный момент она понимала, что другого не дано.

— Дмитрий Александрович, что вы думаете обо мне?... Кто я?

Черт бы побрал эти зеленые глаза олененка Бемби! Надо от нее держаться на безопасном расстоянии и почаще напоминать себе, что она пациентка!

Он резко встал, подошел к плите, проверил воду в кастрюле и, оставшись там, сказал:

— Хм, ну судя по вашим шмоткам, вы — дамочка не бедная, так что вспомните номер счета в банке — отдадите долг за пельмени.

Она улыбнулась:

— Хорошо, обязательно.

— Если серьезно, не знаю. Вас накачали клофелином, обычно это делают с целью ограбления. При вас, конечно, ничего не обнаружили, но вот колечко на вашем пальце, — он кивнул на витое кольцо на ее указательном пальце, обычное простое кольцо, без каких-нибудь камней, оно вообще казалось просто согнутым куском стали, правда хорошо отполированной. — Такое колечко стоит больше, чем моя зарплата. То ли грабители оказались непрофессионалами,

тогда зачем сложности с клофелином?! Вот вспомните, все мне расскажете!

— А если... не вспомню?

— Вспомните, куда вы денетесь! Надо просто подождать и не заикливаться на этом. Не думайте и не пугайтесь. Когда вы расслабитесь, память вернется.

— Откуда вы знаете?

— Уверен!

— А сколько мне лет?

— Хм, — ухмыльнулся он. — Надеюсь не получу в морду, если скажу женщине свое предположение о ее возрасте...

— Я не дерусь... наверное...

— Не больше 25.

Она удовлетворенно кивнула.

— А... я? Кем я могу быть? — спросила и поежилась под его взглядом.

— Хм, — он осмотрел ее всю от рыжей свежевывытой шевелюры до выкрашенных в темно-красный лак ногтей на маленьких пальчиках ног.

— Ухоженная, — кивнул на педикюр.

«Красивая»

— А я могу быть... ммм... содержанкой?

Он нервно хохотнул и впервые за все время открыто улыбнулся, открывая два ряда белых зубов.

Хорошо, что она сидела! Улыбка сделала его обычно строгое и даже суровое лицо с широкими насупленными бровями, по мальчишески задорным. От этой улыбки в груди собрался теплый ком и покатился вниз.

— Я бы мог понапридумывать кучу синонимов того, что вы имеете в виду, но до этого слова бы точно не додумался! Интересно было бы покопаться в вашей голове...

Но снова увидев взгляд затравленного олененка с доверчиво распахнутыми глазами, поспешил извиниться:

— Простите, я не то имел в виду. Вы точно не из нашего захолустья. Скорее из большого города, может быть офисный работник.

Отвечая на ее немой вопрос, кивнул на руки:

— У вас ногти обрезаны под самый корень, но руки ухоженные, обычно так делают женщины, работающие в офисе.

Она незаметно выдохнула, когда он отвернулся к кастрюле. Уже что-то!

Глядя на горку дымящихся и вкусно пахнущих пельменей, она пробормотала:

— Есть в этом что-то неправильное... только я не понимаю что? — И с надеждой посмотрела на него.

Тот тем временем быстро уплетал свою порцию, пытаясь дуть на отдельно взятый пельмень, но все же обжигаясь.

— А что тут правильного — нажираться пельменей на ночь! Вы наверняка такого себе не позволяли, судя по фигуре. Но извините, салатов у меня нет!

Что-то проскользнуло в его тоне колючее, то, в чем стоило бы покопаться, но он наверняка туда просто так не пустит.

Умяв свою порцию в рекордно короткий срок, он потянулся, как сытый кот, и закинул руки за голову.

Она сморщила свой хорошенький носик и покраснев пробормотала:

— Вы не хотите в душ сходить?

— О! — он резко опустил руки вниз. — Простите, я двое суток был на дежурстве.

— Я поняла, — кивнула она, смущенно опустив глаза вниз. Взгляд упал на поле пустых бутылок. — Что это? — кивнула она на пол.

Он проследил за взглядом:

— Памятник, — и резко встав из-за стола, вышел из кухни.

Она еще некоторое время сидела, прислушиваясь к шуму воды из ванной. Он смешно пофыркивал, когда принимал душ. Смешной, — улыбнулась она.

От нечего делать быстро помыла посуду и, пройдя в комнату, удобно устроилась на диване.

* * *

Пришлось натягивать джинсы на голое еще влажное тело. Сам виноват, нечего было психовать от ее невинного вопроса, а лучше взял бы свежее белье с собой в ванную. М-да, надо привыкать, что он теперь не один, голым после душа уже не погуляешь.

Как бы незаметно прошмыгнуть в спальню? Джинсы он еще перетерпит, но прямо скажем несвежую футболку натягивать как-то очень не хотелось. Так что прикрыв живот полотенцем, периодически подтягивая сзади сползающие джинсы, он, пригнувшись (в шпионов что ли играет?), направился мелкими перебежками в спальню. Ха, там по пути надо еще в шкаф заглянуть! Черт!

Зря старался быть невидимым, Вица сладко посапывала, уютно свернувшись калачиком в углу дивана.

Фуух! Можно было и голым выйти!

Надев свежую одежду, он принес ей подушку и одеяло. Долго стоял над спящей девушкой и думал, как бы подсунуть ей под голову подушку, потом плюнул на это дело, оставил подушку просто рядом, а одеялом накрыл ее голые ноги. Сам ушел в спальню спать.

Но сон не шел. Он крутился, вертелся, взбивал подушку, сбрасывал ногами с себя одеяло, потом натягивал снова. Бесплезно!

С тихим стоном и приглушенными чертыханиями, он встал с кровати, прошлепал в коридор, выудил из кармана дубленки бутылку и прошел на кухню.

* * *

Он разбудил ее с бокалом шампанского в руке. Она никак не могла понять, где она, пока не услышала его тихий низкий голос:

— Я уже давно не отмечаю праздники, но может для вас это важно. Через семь минут новый год. Так что, если хотите, могу включить телевизор и мы послушаем куранты.

Она продолжала удивленно смотреть на него своими бембивскими зелеными глазами. Ну кто мог обидеть этого ребенка?!

Наконец, собрав обрывки мыслей в единую картину в голове, она несмело улыбнулась и кивнула.

Он передал ей бокал с поднимающимися пузырьками в желтой жидкости и включил телевизор.

— А вы не будете? — спросила она, оглядываясь в поисках второго бокала.

Он аккуратно присел рядом на диван и с усмешкой сказал, глядя на экран телевизора:

— Я бы с удовольствием к вам присоединился, если бы на кухне не было памятника. А так — он мне постоянно напоминает, что лучше обходиться без алкоголя. Вам-то тоже не стоит увлекаться! Сделайте пару глотков под бой курантов.

Он посмотрел на нее, на ее рыжую шевелюру над краем одеяла, и единственной видневшейся рукой в его рубашке с бокалом. Такая трогательная, ранимая! Что с ней делать?!

— И не забудьте загадать желание, — улыбнулся он ей так, что тепло разлилось по всему ее телу, вязкое топкое тепло, в котором так хотелось утонуть.

— Желание? — переспросила она охрипшим голосом.

— Ну да, говорят, надо загадать желание пока бьют куранты и пьешь шампанское, и тогда это желание исполнится в новом году.

Она улыбнулась одними глазами и кивнула.

— А вот и куранты! — сделала он звук телевизора громче. — Давайте! Загадывайте желание! И пейте шампанское! Э, э, э, достаточно, — он с улыбкой отобрал у нее бокал. — Для исполнения вашего желания этого вполне достаточно.

— Ну раз уж мы выпили практически на брудершафт, может перейдем на «ты»? — спросила она, улыбаясь ему.

Что-то было в этой улыбке заигрывающее, манящее. Хорошо, что он умолчал про поцелуй в новый год! А то кто знает, может одним поцелуем дело бы и не обошлось. Так, стоп, пациентка-пациентка!

— Иногда мне кажется, что вы вовсе не потеряли память и претворяетесь, — усмехнулся он.

— Почему? — искренне удивилась она.

— У вас проскальзывают слова, которые просто так не вспомнишь.

— Что толку помнить слова, если я не помню свою жизнь, — горько улыбнулась она.

Что-то промелькнуло в ее лице, когда она это сказала: сила? Мудрость? Характер? Стержень, который держал ее в прошлом, и о котором она сейчас не помнит. Он вдруг по-другому взглянул на эту женщину, не беспомощного растерянного олененка. Интересно!

— Давайте спать, — предложил он, поднимаясь.

— Давай? — словно протянула руку с предложением дружбы.

— Давай, — кивнул он сдавшись.

* * *

— Тааак, «воды нет, растительности нет, населена роботами», — бодро сказал Демидов.

Утро первого дня нового года обещало чудесный день. Во-первых, у него был выходной. Во-вторых, солнце снова заглядывало в окна, выманивая на улицу и заставляя губы растягиваться в улыбке. Квартира просто купалась в желтых широких лучах.

Он только вышел из ванны, чистый, бодрый, готовый к новому дню.

— Это ты о чем? — спросила Вица-Ряна, вяло передвигаясь по комнате. Он разбудил ее шумом воды из ванной, и теперь она пыталась собрать свои немногочисленные мысли и воспоминания в кучу.

— Еды нет, жизни нет, — резюмировал он, глядя на ее унылую бесцельно бродящую фигуру. — Я в магазин, куплю чего-нибудь пожевать.

Она с интересом разбирала пакеты с покупками. На кухонном столе уже лежали сыр, батон, зубная щетка, гель для умывания...

— Прокладки? — удивилась она. — Ежедневные... и для месячных, — вздохнув она присела на край стула, уставившись невидящим взглядом на стол с разложенными на нем цветными упаковками. — Значит, ты считаешь, это продлится больше чем месяц.

Это был не вопрос — это был приговор. Окончательный диагноз летального исхода от врача.

— Нет, — просто ответил он, словно и не заметив ее состояния. — Просто ни ты ни я не знаем, когда у тебя наступят месячный, это может произойти и сегодня и завтра — в любой день.

И от того как спокойно он это сказал, она облегченно улыбнулась. Рядом с ним можно было ждать.

* * *

— Так, — сказал он, негромко хлопнув обеими ладонями по столу, за которым они заканчивали завтракать. — Давай тебе сейчас что-то подберем из одежды... ну хотя бы что более-менее подойдет... и хм...пойдем покупать тебе все, что тебе нужно. А то я в ваших женских штуках не разбираюсь, — он смущенно улыбнулся.

— Ага, а в прокладках разбираешься? — хитро улыбнулась она.

— Ну, это было самым очевидным, — улыбнулся он и снова смутился. Разговор принимал некий интимный оттенок. Даже не предмет разговора, а их полупафосы, интонации... что-то витало в воздухе. Так! Надо повернуть ее мысли в другую сторону, чтобы она не смотрела на него своими глазами, готовыми спихнуть его с пути истинного.

Подобрав ей футболку, свитер, джинсы и теплые носки, в общем полный комплект одежды, в которой можно было выйти на улицу, он вздохнул с облегчением: сейчас купить ей нормальной одежды, чтобы она не сверкала тут голыми ногами, и жизнь будет не будет казаться пыткой!

— Ээээ, — протянула она, крутя в руках джинсы то так, то эдак.

— Чего? — удивился он. — Нового у меня ничего нет, но все чистое, выстиранное.

— Нет, я не об этом, — она немного порозовела.

— Ну?

— А ты когда на работу пойдешь? — не глядя на него.

— Завтра, а что? — нахмурил он брови.

— Я... э... я там свое нижнее белье на батарее оставила... хм, — она прочистила перехватившее горло. — Ты не мог бы забрать?

Хорошо, что она на него не смотрела! Сама мысль о том, что она сейчас абсолютно... хм... без нижнего белья под его рубашкой и трусами, которые она гордо называла шортами...

Он резко поднялся и вышел из комнаты.

— Хорошо, заберу, — услышала она со стороны кухни.

Там он сделала несколько глотков воды, чтобы успокоиться. Да что ж это такое! Пациентка-пациентка-пациентка! Это скоро у него в мантру превратится! Совсем с ума сошел!

Она юркнула в ванную, наверное, переодеться.

— Хорошо писаешь, — услышала она, сидя в чистоте ванной, наведенной ее руками. — Струя сильная, значит, никакая инфекция не бродит по организму.

Она широко раскрыла глаза и замерла, боясь пошевелиться. Он что все слышал? Хотя, конечно! Если он на кухне, а в хрущевке со слышимостью все в порядке...

Очнувшись от временного ступора, она резко потянулась к раковине и включила воду. Так, по крайней мере, не будет слышно, что она делает в ванной.

Увидев, как она выходит из ванной, красная как рак и уже одетая в его одежду, он усмехнулся:

— Да ладно тебе! Я врач, для меня человеческое тело — это поле борьбы с болезнью и больше ничего. В средние века врачи могли определять болезни моче, даже на язык ее пробовали.

— Фу, — ее передернуло.

— Ну фу не фу, а все естественно, — сказал он тоном учителя, объясняющего ребенку урок.

Пусть уж лучше смущается, чем смотрит на него воспламеняющим взглядом. Таким взглядом, что он весь горел, как в огне. Холодный душ! А там, в ванной опять ее запах! Уууу! Она за сутки умудрилась заполнить собой все пространство!

* * *

Она удобно устроилась на диване, бездумно переключая каналы, в ожидании, когда он приготовит ужин.

Они вернулись с покупками, голодные и уставшие, и Рянка даже вызвалась приготовить ужин. Но увидев разложенные на столе продукты, глаза ее округлились, на лице отразилась паника, и она прошептала с ужасом:

— Ты знаешь, по-моему, я не умею готовить! Я понятия не имею, что со всем этим делать!

И с надеждой взглянула на него.

Он хохотнул, кивнул, поддернул рукава свитера почти до локтей и взялся за дело.

А какие у него руки! И сильные длинные пальцы! Мммм! Она поскорее смылась из кухни — подальше от искушения.

— Лен, сделай погромче, — попросил он Рянку, выглянув из кухни.

Она рассмеялась.

— Что? — удивленно уставился он на нее.

— Лена уже была, — засмеялась она еще громче.

Он усмехнулся в ответ.

— Надо придумывать новые имена!

— Ты действительно думаешь, что если назовешь меня моим настоящим именем, я все вспомню? — в ее глазах было столько надежды! Хотя спросила она довольно небрежно, не желая показать, как важен для нее его ответ.

— Наш мозг штука хитрая. Иногда он срабатывает совершенно непредсказуемо. — снова скрылся в кухне.

— Да сколько же можно обсуждать бедного старичка! — в сердцах выпалила она. — Ну, переспал с горничной, что такого? Теперь будут обсасывать эту новость еще два года!

Он, вытирая руки о полотенце, медленно вышел из кухни и удивленно воззрился в телевизор. Думал, что ему показалось. Нет! Телевизор показывал канал Си-Эн-Эн. На английском языке!

— Ты что, английский знаешь? — спросил он осторожно.

— Я? Да? А... — она удивленно переводила взгляд с него на телевизор, с телевизора на пульт и обратно на него. — Не знаю, — пожала плечами, придя наконец-то к выводу.

— Интересно-интересно, — пробурчал он себе под нос, снова уходя на кухню.

Оставив в покое телевизор, она поплелась за ним. Стащив украдкой маленький треугольник сыра, уселась на стул, позади него, по-детски поджав под себя ногу.

— Слушай, а если я не вспомню? — она усиленно пыталась спрятать плескавшийся в ее глазах страх.

— А что тебе здесь плохо? — улыбнулся он, пытаясь перевести все в шутку. Ну не мог он видеть, как она отчаянно борется с этим страхом! — Тепло и сухо и мухи не кусают.

— Мухи не кусают, — подтвердила она, улыбнувшись. — Но как-то нехорошо... Я, получается, сижу у тебя на шее...

— А чем тебя это не устраивает?

— Да так я могу всю жизнь просидеть!

— Тебя смущает, что ты сидишь без дела?

Она неуверенно кивнула.

— Знаешь, у тебя хорошо получилось вычистить квартиру холостяка. Давай на то время пока ты не вспомнишь, ты будешь вести мое домашнее хозяйство.

— Это значит...?

— Убирать, готовить, покупать продукты... — увидев ее испуганно округленные глаза, он замаялся, провел рукой по волосам на затылке. — Ну я как вариант предлагаю...

— Нет-нет, — сбросив с себя неизвестно откуда взявшееся оцепенение, она ухватилась за эту идею. — Замечательно! Я буду делать все, что необходимо по дому.

— Отлично. Завтра с утра я оставляю тебе деньги, сходишь купить хлеба, сыра?..

Она уверенно кивнула. Уверенность, правда, была несколько наигранная, но почему ее это пугало, она не могла понять.

* * *

— А может ты какая-нибудь шпионка-разведчица? Ну там ФСБ, ЦРУ... — улыбнулся он, уминая отбивную.

— Ага, прямо как Джина Девис, — саркастично кивнула она, вгрызаясь зубами в кусок сочного мяса. — А ты неплохо готовишь, — одобрила она.

— Спасибо, люблю готовить, — отмахнулся он, и вернулся к интересующему его моменту: — А кто эта — как ты сказала... Дейв?

— Джина Девис... — она задумчиво подняла на него глаза, кусок застыл у нее между двумя рядами белых зубов. — Эээ... ну был такой фильм... там она... — она взмахнула рукой, имитируя бросок воображаемого кинжала. — Шпионкой была.

— Ты не шпионка, — усмехнулся он, глядя на нее с улыбкой.

— С чего такая уверенность? — как будто даже оскорбилась она.

— Ну ножи-кинжалы ты метать не умеешь.

— Ну и слава богу! Не хватало еще быть какой-нибудь убийцей! — пробормотала она себе под нос.

— Слушай, а как ты фильм этот вспомнила?

— Ннн... не знаю... — на него снова взглянули глаза беспомощного бемби. Ох, как ему сложно было выдерживать спокойствие под таким взглядом! Сразу хотелось обхватить руками, прижать к себе, гладить успокаивающе по рыжим вихрам и... стоп! — Как картинка, н-н-наверное... Да, просто картинка из фильма, она на кухне что-то резала, а потом метнула нож в стену. И все, больше ничего не помню.

— Хм, надо будет завтра с нашим мозгоправом поговорить. Похоже, хороший знак.

— Да? — ее лицо так засветилось, что он пожалел, что внушил ей надежду, которая может быть беспочвенной.

— Что ты ищешь? — спросила она, наблюдая уже в течение 10 минут, как он обшаривает все ящики.

После ужина они переместились в комнату, где мирно беззвучно работал телевизор.

— Да где-то был карандаш... — увлеченный поисками, протянул он.

— Зачем тебе карандаш? — удивленно переспросила она, не дождаввшись объяснений.

— Вон в том словаре, — он указал подбородком в сторону стола с лежащим на нем увесистым томом. — В конце есть список имен. Хочу отметить те, которыми я тебя уже называл и пройду по всему списку.

Она улыбнулась:

— А ты очень методичен.

— Работа такая, — пожал он широкими плечами.

Ночью ее мучили кошмары. Хотя кошмаром такой сон вряд ли можно назвать. Просто какая-то хрень: туман, темень, она блуждает вроде как в лесу, ищет чего-то, что постоянно ускользает от нее. А потом она увидела высокого человека, вернее даже его силуэт, а лицо скрывал надвинутый на глаза капюшон. Она хотела что-то спросить или закричать, но голоса не было.

Стало нестерпимо страшно, и она проснулась. Потом долго не могла заснуть, ходила на кухню попить воды. Включать телевизор не решилась, чтобы не разбудить Дмитрия. Долго ворочалась, пока в конце концов не забылась сном.

А когда открыла глаза, в окно лился солнечный свет, и небо было таким голубым, что она даже зажмурилась.

Его в квартире уже не было, видимо ушел на работу. На столике лежали деньги. Значит надо собираться и приступать к взятым на себя обязательствам.

Она уже собиралась выходить из квартиры, когда прогремел звонок в дверь. Она вздрогнула от сильного резкого звука. На пороге стояла сухонькая невысокая пожилая женщина в каракулевой шубе. Она удивленно разглядывала Ряну какое-то время, потом, видимо, придя в себя, пробормотала:

— Простите, а Дмитрий дома?

— Нет, его нет, он ушел на работу.

— Ага, — кивнула женщина. — Вы не могли бы ему оставить вот этот конверт, — она протянула коричнево-желтый большой конверт, в котором обычно отдают пациенту рентгеновские снимки.

— Да, конечно, — она взяла конверт, положила его на тумбочку в прихожей. — Я собралась в магазин, нам не по пути?

— Да, — кивнула женщина. — Я с удовольствием составлю вам компанию.

Ряна благодарно улыбнулась. Дмитрий не объяснил, где находится ближайший магазин, а спрашивать прохожих было как-то страшновато.

— Меня, кстати, Елена Павловна зовут, я мама Дмитрия.

— О! — протянула Ряна смущенно. — Приятно познакомиться, Елена Павловна! — для большего эффекта она еще и кивнула.

— А вы? Вас как зовут? — настаивала сухонькая женщина. Она еще не пришла к выводу, как относиться к появлению в доме сына красивой незнакомки.

— Я Нина.

— Очень приятно, Нина, — она говорила вроде бы все вежливо, но с некоторым подозрением, или Рянке так казалось.

Елена Павловна не стала вдаваться в дальнейшие подробности, за что Рянка была ей безмерно благодарна. Тем более, что магазин оказался за углом следующего дома.

— Батон, пожалуйста, — вежливо попросила Рянка, вытащив из пачки денег самую крупную, пятисотрублевую купюру.

Продавщица зло глянула на нее своими накрашенными синими тенями глазками:

— У вас же есть мелкие!

— Да, простите, — пробормотала Рянка, вытаскивая сторублевую купюру и забирая пятьсот назад.

— Вы что издеваетесь? — уже вскричала продавщица. — Где я вам всем сдачи наберусь?! Понадавали соток с утра! Вон у вас же есть двадцатка.

Рянка, покраснев, посмотрела на пачку, вытащила из нее две десятки и покорно положила на прилавок.

Продавщица шмякнула батоном по прилавку.

— Спасибо, — пробормотала в конец расстроенная Рянка. Уже собираясь отвернуться, вдруг увидела ручку на столе со стороны продавщицы. Какое-то время она стояла, разглядывая ручку, потом подняла глаза на насупленную продавщицу и спросила:

— А мне не надо расписаться?

Продавщица изумленно глянула на стоящую рядом Елену Павловну. Та в свою очередь удивленно смотрела на высокую странную девушку. Во что вляпался ее сын?!

— Чего? — переспросила продавщица таким грозным тоном, что Рянка поспешила ретироваться.

Наскоро распрощавшись с Еленой Павловной, она юркнула за дом, побродила по улице, пока не убедилась, что Елена Павловна не собирается за ней шпионить. Потом нашла другой магазин поблизости, купила все по оставленному списку и с облегчением вернулась домой. Домой? Хм, странно, но ей действительно было очень хорошо в его квартире. Как-то так получилось, что за какие-нибудь двое суток, она стала ее домом. Надолго ли? Очень хотелось вспомнить кто она и откуда. Но сегодня впервые закралась мысль, а не изменит ли это все то, что у нее есть сейчас?..

— Слушай, я совсем забыла! Утром приходила твоя мама, оставила для тебя конверт.

— Какой конверт? — спросил Дмитрий, уплетая бутерброд.

— Сейчас принесу.

Увидев конверт, Дмитрий тяжело вздохнул и потянулся за мобильником.

— Привет, мам!

— Привет, сын! Давно ты нам не звонил! — укор в голосе матери был еле слышен, но он был!

— Прости, заработался, — потер он пальцами уголки глаз.

— Я тебе оставила конверт со снимками, чтобы ты посмотрел. Алла Степановна надеется, что может операция не нужна?

— Я понял, — кивнул он. — Посмотрю.

— Так тебе Нина передала?

— Кто?

- Нина! Девушка, которую я встретила у тебя в квартире.
- А! Ааа?.. А...почему Нина?
- Она так мне представилась!
- Ааа! Ладно! — он взглянул на узкую спину отвернувшейся к раковине женщины.
- Так она не Нина?
- Мам!
- Сынок, я просто волнуюсь за тебя! Эта девушка даже не знает, сколько стоит хлеб!
- Я тоже этого не знаю! Даю, сколько скажут.
- Но ты надеюсь, знаешь, что хлеб стоит меньше ста рублей?
- Мам, это моя хорошая знакомая, ей нужна моя помощь.
- Помощь? У нее что-то случилось? Я так и подумала. Она была какая-то потерянная. И знаешь что?
- Мам, мне пора...
- Так странно!
- Что? — обреченно спросил он, понимая, что мать уже не остановить.
- В магазине, она долго рассматривала ручку.
- Какую ручку?
- Обычную шариковую ручку!
- И что?
- А потом спросила, не нужно ли ей где-нибудь расписаться. Странно — да?
- Хм... интересно... Ладно, мам, давай, пока.
- Мама сказала, что ты в магазине хотела расписаться ручкой.
- А? Да, наверное... Я не знаю почему, — предупреждая дальнейшие вопросы, сказала она, глядя ему в глаза.
- Я знаю. Потому что покупки ты делала банковской картой.
- И что это значит?
- Да ничего. Значит ты точно не из нашего захолустья, потому как у нас, если один такой магазин найдется, это в лучшем случае. А у тебя это привычка, выработанная до автоматизма, значит не у нас, скорее всего какой-то большой город. Но это я и так знал.

— Почему?

— Одежда, — пожал плечами он. — Но акцент у тебя какой-то... то ли уральский, то ли сибирский, откуда-то оттуда.

— Да? — ее глаза снова загорелись надеждой.

— Не уверен, просто показалось, что у тебя есть акцент, очень легкий, но есть. А вообще ты говоришь правильно, практически без акцента. Он проявляется только когда ты нервничаешь.

— Да? — уже чувствуя себя полной дурой, повторила она.

— Да, — улыбнулся он. — Но это все мои догадки. А я не Шерлок Холмс, а простой врач скорой помощи.

* * *

Она сидела на диване, подобрав под себя ноги, думая о том, как странно нелогично работает ее мозг. Вот, например, английский и немецкий языки она помнит — проверила по телевизору, даже попробовала говорить, мозг послушно подсовывал ей слова, выдергивая их из каких-то своих тайных глубин, долезть до которых она не могла. В то же время мозг совершенно забыл ее предупредить о боли во время месячных, которые начались вчера вечером. Почему об этом мозг умолчал? Странно.

Пощелкав каналы телевизора, она решила в его отсутствие осмотреть квартиру на предмет знакомых вещей. Может ей попадется что-то, что поможет ей вспомнить хотя бы что-то! Ну и что, что зубная щетка и прокладки не помогли — может они были не того цвета?! Она поморщилась от тянущей боли в низу живота и встала, раздумывая с чего начать. Решила начать с его спальни, потому что если другие все комнаты она видела, и найти что-то новое — уже мало шансов, то в спальне она еще не была.

Ух! Мужской дух шибанул в нос. Н-да, он явно частенько спал не раздеваясь. Она открыла окно, предоставляя комнату морозному воздуху. Пусть вымерзнут все микробы! И попадают трупиками на пол, усмехнулась она. Постель надо перестелить! Порывшись в шкафах, нашла чистое постельное белье. Погладила рукой ткань, пытаюсь вспомнить какое белье было у нее? Какого цвета? С рисунком? А как она заправляла постель? С чего начинала: с простыни или с пододеяльника, или может с подушек?

Тем временем она собрала грязное белье и отнесла его в ванную, засунув в машинку. Постель перестилать она начала все-таки с простыни. Периодически застывала, пытаюсь осмыслить: она это делает автоматически или продуманно? Все-таки не автоматически, вздохнув пришла она к выводу. Прошлась тряпками по подоконнику, полкам, полу, ушла на кухню. Может здесь чего-нибудь попадется на глаза. На кухня уже стала их излюбленным местом посиделок, так что ничего нового здесь не нашлось. Как впрочем и в ванной, которую она уже вымывала, то есть совала нос во все углы и щели, и в комнате. Долго смотрела на огромные валенки, стоявшие в коридоре, но так ничего и не выплыло. Побродила еще немного по квартире, периодически останавливаясь у разных вещей, заставляя себя присматриваться и вызывая в памяти усилием мысли хоть что-то. Ни-че-го! Может телевизор что-то даст? Ведь выяснилось же благодаря этому мигающему ящику, что она знает языки! Может еще что-нибудь выяснится?!

* * *

Она уже давно выключила телевизор — все равно от него никакого толку. А щелкать каналы удовольствия ей не доставляло.

Она сидела на кухне, поджав ноги к груди, поместив попу и ступни на маленькую табуретку, и смотрела в окно. Ночью опять шел снег, так что за окном все было белым-бело. Она даже немного щурилась от переизбытка белого цвета. Медленно жуя бутерброд с сыром, так же медленно раздумывала, как такое с ней могло приключиться и что делать дальше. За окном прошла какая-то старушка с авоськой. Вот! И ведь она наверняка помнит и кто она и что ей нужно сделать! Почему же у нее пустота в голове?!

Она от бессилия стукнула себя по голове кулаком с зажатым остатком бутерброда. Кусок сыра отвалился и шлепнулся на стол. Ну вот! Даже треснуть себя как положено не получается!

Звонок телефона раздался неожиданно громко. Она вскочила и побежала в комнату за телефоном.

Он достал его из своих закровов еще перед первым уходом на работу. Весь поцарапанный, с трещиной в экране и практически без кнопок.

— Кнопки тебе все равно не нужны — звонить никуда не будешь. А единственные необходимые кнопки вызова и отбоя целые. Так что, на, дарю, совершенно безвозмездно! — он гордо протянул ей зияющий отсутствующими кнопками, как беззубым ртом, телефон.

Она осторожно взяла его двумя пальчиками, как будто раздумывая: может его сразу выбросить.

— Другого все равно нет, — отрезал он.

Она улыбнулась:

— Да, другого и не надо. Покажи только, как им пользоваться.

Так у нее появился мобильный!

— Голова не болит?

— Нет, — привычно отвечала она на стандартный набор вопросов, которые он задавал ей каждый день.

— Не тошнит?

— Нет.

— Что-нибудь болит?

— Живот болит, но это нормально.

— Я таблетки оставил на столе...

— Я видела, спасибо. Пока нормально.

— Хорошо. Я после работы зайду к родителям, так что буду поздно.

— Хорошо, — сказала она разочаровано. Ей было намного легче переносить свое подвешенное состояние с ним. Без него она чувствовала себя очень беспомощно, и это приводило к накатывающим волнам паники. Она отчаянно сопротивлялась им, но время от времени почти скатывалась в отчаяние, как почти случилось сейчас, если бы ни его звонок.

Она отчаянно тянулась к нему, такому большому и сильному и... надежному. Как большой железный якорь, он бы не позволил беспощадному морю утащить ее в свои глубины.

На следующий день на пороге возникла Елена Павловна с огромной сумкой, в которой, как оказалось, были разного размера контейнеры с едой. Она, добродушно поздоровавшись с Ряной, проследовала на кухню, предварительно скинув все тот же, знакомый Рянке, каракулевый полушубок, хотя на этой сухонькой маленькой женщине он казался вполне даже шубой.

Ряна в растерянности следила за всеми передвижениями, приоткрыв рот.

— Ниночка... можно я так буду вас называть? — спросила Елена Павловна, вопросительно глядя на Ряну своими бледно-голубыми глазами. Когда-то эта женщина наверняка была первой красавицей.

— Дмитрий Александрович называет меня разными именами, — усмехнулась она.

— Да-да, он мне говорил, — отмахнулась та. — Вам необходимо хорошее питание.

Глаза Ряны испуганно округлились.

Правильно истолковав ее испуг, Елена Павловна быстро продолжила:

— А заодно может и моего сына приучите есть как положено. Я устала бороться с его бесконечными пельменями.

Ряна улыбнулась:

— Да, пельмени он действительно любит.

— Но нужно же есть еще что-то кроме этого теста с мясом, хотя какое там мясо в покупных пельменях, — она снова махнула рукой, сверкнув массивным перстнем на среднем пальце. — Ниночка, угостите меня чаем!

— С удовольствием! — радостно откликнулась Ряна. — Только... вы позволите, я переоденусь. Извините, не ждала гостей.

— Конечно, конечно, деточка, я пока поставлю чайник.

По сравнению с интеллигентной женщиной, одетой просто, но достаточно элегантно, Ряна вдруг почувствовала себя замарашкой в рубашке и толстых черных трусах Дмитрия, которые она приспособила под домашнюю одежду. А так как она практически никуда не выходила, то это и была ее постоянная одежда. Быстро натянув новенькие джинсы и гольф, она вышла на кухню, где маленькая женщина уже разложила на столе пирожки, печенье, порезанный сыр и хлеб. Даже откуда-то взялась хрустальная вазочка, и в ней зазывно переливалось темно красным цветом малиновое варенье.

Где-то внутри появилось мягкое теплое чувство чего-то родного, далекого и знакомого

одновременно. Рянка улыбнулась и присела за стол.

Пить чай с Еленой Павловной было одно удовольствие. Она рассказала про себя, как муж заставил ее уйти на пенсию, и теперь она должна была бы наслаждаться спокойной жизнью, но разрывается между мужем и двумя сыновьями. Ряна с удивлением узнала, что у Дмитрия есть старший брат, который живет в Питере, счастливо женат и время от времени навещает их в этой глуши с двумя внуками.

Забывшись, Елена Павловна задала вопрос, есть ли у нее брат или сестра, но увидев округлившиеся испуганные глаза Ряны, тут же начала щебетать о своей «горькой судьбе», живет среди мужиков уже который год, и внуки — тоже мальчишки! А она так хотела девочку, а потом мечтала о внучке!

— Все бы хорошо, если бы не Димка, — Елена Павловна укоризненно посмотрела на огромное количество пустых бутылок, любовно выставленных напоказ. — Все ему говорю убрать это безобразие, а он мне — не лезь.

— Он пил? — понимающе кивнула Ряна.

— Ой, сильно пил, — горько сказала Елена Павловна. — У нас в семье никогда такого не было. А тут такое! Ведь он полгода почти из квартиры не выходил, — прошептала она, как будто Дмитрий мог ее услышать и оборвать.

— А как бросил, ведь сейчас он не пьет?

— В аварию попал. Несильную. Так, как он говорит: «теранулись друг об друга» со встречной машиной. Отделался синяками, но, видимо, он сильно тогда испугался, потому что с того момента больше не пьет, но машину не ремонтирует и бутылки вот эти... — она снова кивнула на озеро бутылок. — ... не заставишь выбросить. Но все что ни делается — все к лучшему. На работу устроился. Теперь вот на работе вечно пропадает.

— Это точно. У него такой график — не понятно, когда он будет дома! — поддакнула Рянка и покраснела от того, что назвала его квартиру домом. Как заправская жена. Жена?!

Елена Павловна ничего не заметила. А через некоторое время засобиравшись домой, как она выразилась, к некормленому мужу.

Следующие несколько дней она практически не видела Дмитрия. Он был либо на работе, либо отсыпался, потом что-то жевал на ходу на кухне и снова уходил на работу. Рянка снова оставалась одна со своими мыслями и страхами. Он, правда, регулярно звонил ей и официальным тоном спрашивал о состоянии ее здоровья. Иногда забегала на чай Елена Павловна, приносила свежее испеченные пирожки и кулебяки. Ряна каждый день по несколько часов переключала каналы, это стало уже ритуалом, как будто только от этого зависело, вспомнит ли она хоть что-нибудь.

* * *

— О! Дмитрий Александрович! А вы что задерживаетесь? У вас же смена часа два назад закончилась! — все-то они знают, эти медсестры, все-то они видят, до всего им есть дело, а уж посплетничать — хлебом не корми!

— Скоро пойду, — буркнул он в ответ.

Не говорить же одной из главных сплетниц больницы, что ему никак нельзя идти домой. Домой! Это слово приобрело совсем другое значение, после появления этой рыжей зеленоглазки. Теперь там всегда было чисто, убрано и вкусно пахло. А самое главное, там всегда была она со своими длинными ногами в его черных трусах. Господи, они же купили ей халат! Хотя нет, в халате будет еще хуже! От одной мысли, что под халатом у нее ничего не будет, он чуть не застонал. Она — пациент! Еще какой пациент! С потерей памяти! А вдруг у нее муж и куча детей? А тут он со своими желаниями!

Ну, допустим, детей нет, это гинеколог сказала точно. А вот по поводу мужа или любимого мужчины ни один врач точно сказать не может! Зачем же она смотрит на него своими завораживающими глазищами, так, что у него душа переворачивается и хочется перевернуть весь мир ради этой беспомощной девочки. Скоро! Скоро наконец закончатся эти бесконечные праздники, и можно будет поторопить в милиции с запросами о пропавших, можно будет связаться со специалистом по временной амнезии, можно будет хоть что-то делать, кроме того, что каждый день смотреть на это белокожее чудо у себя дома. Ну, подкинул главврач головную боль! Ну, спасибо большое ему! Хоть вообще домой не появляйся!

Демидов взерошил короткие темные волосы, как будто это могло привести его мысли в порядок. Устоять против этой угрозы его только наладившемуся душевному равновесию — он не в силах. Значит надо продолжать ту же тактику: свести их общение к минимуму. Только как это сделать, если она просочилась повсюду! Она везде, эта зеленоглазая ноющая боль внизу живота. Вчера заехал к матери, так и она начала ему расписывать, какая Ниночка хорошая хозяйка! Мать упорно продолжала называть ее Ниной, хотя и он и спящая красавица говорили, что имени ее никто не знает. И на работе тоже разговоры про незнакомку, найденную на станции. Уууух!

А еще вчера эта спящая красавица просилась поехать с ним к его родителям, а он так рявкнул «Нет!», что до сих пор чувствовал себя последней сволочью. Нет, надо поехать домой, хоть как-то помягче с ней поговорить что ли, а то последнюю неделю он на нее только и делает, что рычит. Она же ни в чем не виновата! Ох, скорей бы закончились эти новогодние праздники, чтобы сбыть ее с рук!

Она вся засветилась, когда он появился на пороге.

— Привет! — улыбнулась она ему так, что казалось, вся квартира осветилась слепящим светом.

Чееерт! Он отвернулся, снимая дубленку.

— Привет! — буркнул он в ответ. А собирался быть по крайней мере вежливым.

— Так Елена Павловна опять всякой вкуснотищи принесла. Разогреть? — столько энтузиазма в голосе, что если сейчас опять рявкнуть «нет!» — это же все равно, что забрать конфету у ребенка, который мечтал о ней весь день и который уже ее развернул. Уууу!

— Да, — снова буркнул он. Вот как быть помягче, когда она сверкает своими длинными ногами. Даже мешковато сидящие на ней его трусы и рубашка не скрывают ее фигуру. Нет, они, конечно, скрывают, но его глаза, как рентген, проникают под них, вернее хотят проникнуть и... Чееерт!

— Я в душ! — крикнул он в сторону кухни, прислушиваясь к тому, как она уже там чем-то гремит.

— Ага! — радостно слышалось в ответ.

Холодный душ оказался хорошей идеей. Возбуждение немного отступило, а влажные волосы охлаждали голову, заодно и мысли. Надо продержаться только ужин, а потом уйти в свою комнату и постараться заснуть. Выматывающие дежурства помогали отключиться. Все равно просто так заснуть, когда она была в соседней комнате — это просто попытка!

Несмотря на все его планы быстро покидать в рот и проглотить то, что она приготовила, все равно завязался разговор о том, как он провел день, какие были случаи. Ужин растянулся, тем более, что, как выяснилось, она не ела — ждала его. И теперь она сидела напротив, поджав одну ногу под себя, внимательно вглядываясь в его лицо, слушая его рассказ. Почему-то было так просто рассказывать ей то, что он обычно держал при себе. Она заражала его своим вниманием, подначивая на все новые и новые рассказы из его практики. И он был рад отвлечься от не оставляющих ни на секунду возбуждающих мыслей о ней.

Оба смеялись над очередным казусным случаем из его практики на скорой, когда неожиданно встретились глазами и... вдруг не осталось ничего вокруг. Только он и она. Смех замер, улыбки сползли с лица. Она плавилась под его взглядом. Казалось, они вечность смотрят друг другу в глаза. Оба неподвижно сидели за кухонным столом, обоих этот взгляд приковал к месту. Взгляд, сказавший им больше, чем все их разговоры.

Неожиданно она моргнула и взгляд оборвался, как будто между ними поставили заслонку после того как они показали друг другу слишком много сокровенного. Она смущенно опустила голову, медленно вытащила ногу из-под себя и отошла к буфету, повернувшись к нему спиной. Надо было срочно вспомнить, зачем она сюда отошла, но мысли путались и разбегались. Она никак не могла успокоить бешено бьющееся сердце.

Он смотрел на ее узкую спину, низко опущенную рыжую гриву, длинные белые ноги, и понимал, что именно он виноват в ее смущении. Надо ей что-то сказать, как-то объяснить, а для начала как-то позвать, чтобы она повернулась к нему. Назвать ее сейчас одним из имен из списка — более чем глупо. Он встал со стула и в два медленных неверных шага приблизился к ней. Дотронулся до ее плеча.

— Я...

— Поцелуй меня, — она резко развернулась и подняла на него свои бесподобные изумрудные глаза.

— Нет, — отшатнулся он.

Она закусила нижнюю губу от обиды и смущения, тем не менее гордо приподняв подбородок.

— Нет, ты не так пон... я не... черт! — он снова прикоснулся к ее плечу, словно пытаясь удержать ее или не ее, а скорее этот момент на месте. — Я не смогу остановиться, — честно сказал он.

— Я и не прошу...

— Я не могу...

— Я могу никогда ничего не вспомнить, — сказала она, как будто прочитав его мысли.

— Я...

— Поцелуй... — прошептала она, опустив глаза, уже потеряв всякую надежду, что он ответит на ее просьбу.

Именно это сломало его. Он взял ее за подбородок, поднял лицо к себе, вглядываясь в него, словно пытаясь найти там ответ. Она, неверно истолковав его заминку, выдернула подбородок и дернулась, чтобы уйти в комнату. Но он быстро прижал ее к буфету, не давая даже двинуться. Положил руку на ее щеку, повернул к себе и накрыл губы своими. Почувствовал, как под его губами они расслабляются, распускаются как бутон розы. Все! — крутилось в голове — Обратной дороги нет! А он ее и не хотел, чувствуя всем телом ее податливое тепло. Чувствуя каждый изгиб ее тела. Он как будто тонул в этом омуте. Боже, помоги им обоим!

А потом все мысли улетучились, когда она приоткрыла губы, и он почувствовал ее язычок. Вот тогда он окончательно потерял голову. Страсть вырвалась на волю, как долго сдерживаемая пружина. Он сминал ее губы своими, покусывал ее шею, полизывал белоснежные холмики в ворота рубашки.

Она отчаянно пыталась удержать равновесие, схватившись за его огромные плечи. Какой же он твердый! — это о плечах. Но когда он посадил ее на край буфета, так, что ей пришлось обхватить его ногами, она даже глаза распахнула от того: какой же он твердый! Она стала стягивать с него темно-синий пуловер. Он на секунду оторвался от ее губ, быстро избавился от него и снова прижался к ней губами, как будто страдающий от жажды к глотку воды. Она запустила руки в его взъерошенные волосы. Они оказались мягче на ощупь, чем она думала. Она даже не поняла сначала, что это был за звук, когда ее рубашка затрещала, и на пол посыпались оторванные пуговицы. Она улыбнулась и куснула его за нижнюю губу. Тем временем его руки уже накрыли ее груди.

О боже! Если под его трусами на ней действительно ничего нет, он сейчас просто взорвется! Одна его рука поползла вниз, проверить свою догадку. Она выгнулась ему навстречу, когда он проводил рукой по ее животу, и в тот же момент ударилась головой о шкафчик буфета.

— О милая! — прошептал он, наклоняя ее голову к себе и целуя в затылок. Немного не в то место, но это уже было неважно, потому что в следующий миг он подхватил ее под ягодицы и, так и прижимая к себе, понес в комнату.

Не успела ее спина коснуться кровати, как в разные стороны полетели трусы, штаны, рубашка. Как же хорошо было прижиматься к его сильному теплему телу! Как хорошо было слушать его частое возбужденное дыхание! Ее дыхание, наверное, такое же частое.

Не успела она это подумать, как он накрыл ее сосок своим теплым ртом, поиграл языком, превращая тот в твердую горошину, и со стоном опустился на нее. Она забыла, как дышать! А когда он чуть повернулся, поудобнее устраиваясь между ее ног, и она почувствовала, как он медленно входит в нее, все вообще перестало иметь какое бы то ни было значение.

Он был щемяще нежен, так непередаваемо нежен, что у нее из глаз покатались слезы. Она не смогла бы сказать почему, даже если бы он спросил. Но он не спрашивал, сцеловывая ее слезинки губами, продолжая проникать все глубже и глубже. Знала бы она, чего ему стоило проникать в нее ТАК невыносимо медленно! Она была такой горячей и такой узкой внутри, что он просто не мог войти в нее резко до конца со всего маху, как хотелось. Только дойдя до упора, выйдя и снова войдя в нее, он смог немного увеличить темп, а потом еще. А потом еще, после того, как она выдохнула и обвила его бедра ногами, притягивая к себе ближе. А потом еще быстрее, когда почувствовал ее стон, именно почувствовал всей грудью, как стон вырвался из ее груди. А потом еще быстрее, когда она куснула мочку его уха, и тогда уже ничто не

смогло его остановить. Он врезался в нее с остервенением человека, уставшего от одиночества, и наконец-то радующегося обретению кого-то в своей жизни. А она принимала каждый удар, изгибаясь ему навстречу так, как будто только от него сейчас зависела вся ее жизнь. Он застонал буквально через секунду после того, как услышал ее крик, они достигли оргазма почти одновременно и долго лежали в темноте, переводя дыхание.

А потом он засмеялся, все еще лежа на ней, в ней.

— Что? — спросила она шепотом, боясь развеять момент, когда ей за последние дни было так хорошо, спокойно и понятно.

— Хорошим же поцелуем я разбудил спящую красавицу!

Она рассмеялась в ответ и чуть слышно застонала, когда он, наконец, вышел из нее и освободил от своего веса. Сразу стало холодно и одиноко. Но он умудрился вытащить из-под их тел одеяло, накинул на нее и прижал к себе собственническим жестом. Она зажмурилась от удовольствия, устраиваясь поудобнее в его руках. Да, вот теперь все стало ясно и понятно.

* * *

Он с улыбкой возвращался домой, перешагивая через две-три ступеньки лестницы длинными ногами, стараясь побыстрее попасть на третий этаж, туда, где его ждало зеленоглазое чудо. Вспомнил, как проснулся сегодня утром и впервые за долгие годы не почувствовал себя хмурым медведем, каким обычно бывал спросонья. Что-то было не так! Что-то изменилось в его жизни. И он, не веривший в бога, готов был молиться, чтобы все так и оставалось, вот так, как сейчас. Чтобы подольше продлился вот этот период его жизни. Если это счастье, пусть останется с ним подольше. А чем нужно будет расплачиваться, подумаем позже. Да какая разница, чем расплачиваться, если она ждет его! Она... его... ждет!

Звонок мобильного вывел его из состояния идиотизма влюбленного школьника.

— Привет, Демидов! Как жизнь?

— Привет, Белов! Отлично! Как сам? — насторожено поздоровался тот.

— По тебе скучаю!

— Что-то ты действительно соскучился, раз звонишь раньше срока. То звонил раз в месяц, а тут — что случилось? Таймер раньше сработал? Опять звонишь заманивать меня в клинику?

— Ну с прошлого года надо было тебя проверить: как дела? Не передумал ли возвращаться?

— Сразу нет, — отрезал Демидову

— Ну ты б хоть подумал для приличия.

— А чего мне думать?! У меня и здесь отличная работа...

— На скорой?

— А что, на скорой всегда люди нужны. А практика тут знаешь какая?!

— С твоими руками!!! Это все равно что гвоздь микроскопом забивать!

— Паш, я тебе уже год говорю одно и то же, а ты русский язык понимать никак не хочешь. Я не вернусь.

— Дим, ты мне очень нужен! Ты же хирург от бога! Грех такой талант зарывать в землю!

— Паша, даже не уговаривай! Хватит с меня Москвы!

— Дим, больница перешла под мое руководство. Вся система поменялась. Больше такого не будет!

— Паша, ты же знаешь, что с этого все начинается, а потом заканчивается, когда все соки эта система из тебя выпьет. Да о чем мы разговариваем: я больше года в операционной не был!

Именно это и окрылило Пашку, если в начале надежда была очень слабая, то теперь он был уверен, что рано или поздно Демидова можно будет дожать.

— Я уже все продумал, месяц побудешь на восстановительном периоде, поассестируешь для того, чтобы руки вспомнили, а потом наберешь команду и вперед!

— Паша, я не вернусь! Мне и здесь хорошо!

— На скорой? — скептически спросил Паша.

— На скорой тоже врачи работают.

— Но не с такими руками, как у тебя! — вспыхнул тот.

— Паш, все закончили! Передавай привет Оле!

— У меня, между прочим, дочь родилась, пока ты там на скорой балуешься, — обиженно пробормотал Пашка.

— Поздравляю, Пашка, отцом стал — молодец! Но в Москву не вернусь, не упрасивай!

— Ну тогда перезвоню через месяц! До связи!

— Вот черт упрямый, — усмехнулся Дмитрий, нажимая кнопку звонка.

Дверь тут же открылась, и она прижалась к нему теплым телом прямо в распахнутые полы дубленки. Он уткнулся куда-то ей в шею. Его тихая гавань в штормовом океане жизни! Надолго ли? Какая разница! Главное, что она сейчас у него есть.

* * *

Лица проскальзывали перед глазами, не давая взгляду задержаться хоть на одном. Головы строем плыли одна за одной, как бутылки в линии по разливу напитков. Она пыталась задержаться хоть на одной, чтобы разглядеть лицо, но темп все ускорялся. Вскоре все они слились в одну размытую полосу. Она не успела! Опять!

Она резко открыла глаза. Фух, ну и сон! Какие-то головы без бел! Приснится же чертовщина! Она тихонько, чтобы не разбудить спящего рядом Димку, спустила ноги с постели, накинула рубашку и, неслышно ступая, направилась в кухню. Холодная вода остудила разгоряченное тело. Но она все равно еще не была готова возвращаться в постель. Присела на стул и задумалась: а что если... Что-то крутится вокруг нее, но она никак не может схватить. А вдруг

она так и не вспомнит даже своего имени?!

— Ты чего не спишь? — он смешно шурился на яркий свет.

— Да так... приснилось...

— Кошмар? — понятно кивнул он, чмокнул в макушку, взял ее стакан, допил ее воду, набрал заново и поставил перед ней на стол. — Чего приснилось?

Она поморщилась.

— Да так... гадость какая-то...

— Понятно, — снова кивнул. — Пойдем в постель.

— Я немножко посижу. Не хочется спать...

— А кто тебе сказал, что мы спать идем?! Надо твой плохой сон прогонять! — улыбнулся он, подхватывая ее на руки.

— Как у тебя появился памятник из бутылок на кухне? — спросила она тихо, давая понять: если не хочешь говорить, я не настаиваю.

Улыбнулся, закинул руки за голову и начал рассказывать:

— Это длинная история, — немного помолчал, как будто давая ей время себя перебить. Но она внимательно слушала. Он тяжело вздохнул, готовясь к долгому рассказу. — Я хирург, вернее был им, а еще точнее меня им сделали.

— Это как? — удивленно подняла она брови.

Он провел рукой по ее голой спине, вбирая тепло ее тела, лежащего рядом. Ему так нравилось к ней прикасаться, нравилось, что она лежала рядом. Затем продолжил:

— Все в моей жизни складывалось как паззл, все вело к тому, чтобы я стал хирургом. В детстве нашими соседями по лестничной клетке были супруги Смирновы, он сейчас мой главврач. Виктор Степанович, тогда дяде Витя, был простым врачом-терапевтом, а его жена, Анна Львовна, фармацевтом, работала в городской аптеке. Родители много работали, и нас с братом частенько оставляли у бездетных Смирновых. Мы любили копаться у них в библиотеке. Став постарше, брат увлекся самолетами, а меня привлекала медицина. Я ковырялся в справочниках, старых медицинских журналах — их были горы у Смирновых, доставал бесчисленными вопросами Виктора Степановича, даже иногда сидел с ним на приеме в больнице. Но самым любимым для меня было оставаться в аптеке, где работала Анна Львовна. Это было лучше, чем, если бы меня оставили на ночь в кондитерской. Меня влекли и завораживали бесконечные стеллажи с миллионами ящичков. Ну, по крайней мере, тогда мне казалось, что их миллионы, — усмехнулся он.

— Я уже тоже хочу быть фармацевтом! — воскликнула она, удобно устраиваясь на его груди, так чтобы видеть его лицо в свете уличного фонаря.

— Нееет, я хотел быть гинекологом.

— Кем? — недоверчиво переспросила она.

— Да, — рассмеялся он, — гинекологом. Я досконально знал строение женского тела. Я изучил все препараты для женщин, какие только были в аптеке. Я выискивал статьи в журналах, читал их по нескольку раз, практически выучивая наизусть. И, конечно же, я поступил в московский медицинский с твердой уверенностью быть гинекологом.

— Так ты хирург-гинеколог или как это правильно называется?

— Нет, — он мотнул головой, притянул ее поближе к себе. — Нет, я кардиохирург. Был.

Постоянно надо напоминать себе, что все в прошлом!

— Кардио? — удивилась она. — Это же так сложно!

Он рассмеялся.

— Как любая другая профессия.

— А как же ты им стал?

— Его величество случай! На втором курсе лечфака нас повели смотреть совершенно простую операцию. Я стоял в первых рядах, кровь меня не пугала, от вида внутренностей не мутило, так что меня всегда выдвигали вперед, загоразивать тех, кто стоял с ваткой с нашатырем в руках, — снова улыбнулся. Такие приятные воспоминания о студенчестве! — И вдруг хлынул фонтан крови. А в следующий момент я увидел свою руку в открытой полости, затыкающую пальцем источник кровотечения. Ох и орал же после операции на меня профессор, чтоб я руки не совал куда не просят. А потом пригласил меня на свою операцию. Вот так к пятому курсу я уже был своим в операционной, и интернатура кардиохирурга была мне обеспечена. А потом начал работать. До сих пор не понимаю, как тогда все получилось. Как я увидел, где кровотечение?! Как будто просканировал насквозь. С тех пор осталась привычка: перед операцией я долго собираюсь с мыслями, смотрю на то место, где буду делать первый надрез. Меня в клинике даже прозвали Лазером, а некоторые по незнанию так и называли Лазарь Александрович, — рассмеялся он.

Она улыбнулась в ответ.

— А потом?

Его лицо тут же окаменело.

— А потом я стал звездой. Молодой и глупой звездой. И меня начали использовать, выстраивая операции потоком. Сначала несколько операций, я знал пациентов, разговаривал с их родственниками, писал карты. А потом операций стало больше: десятки, сотни. Меня освободили от предоперационной работы с больными, равно как и от послеоперационной: короче, сделали все, чтобы я только оперировал. Операции, операции... Когда через тебя проходят сотни, ты уже не так остро реагируешь на свое маленькое кладбище, которое есть у любого хирурга. Ты уже не помнишь, да и не всматриваешься в лица людей, которые ложатся к тебе на стол. Ты вообще забываешь, что это люди. Это становится работой, тяжелой работой, гонкой за сложную операцию. А потом у меня за неделю трое умерли на операции. На первую женщину я почти не обратил внимания. Ну да, было неприятно, горько. Потом вторая смерть. А потом у меня на столе умер мой друг, с которым мы вместе поступали и познакомились на абитуре. Я даже не знал, что это он. Я не смотрел их имена, лица, для меня важен был только диагноз, результаты анализов и подготовка к операции. И тут я увидел его лицо и понял, что заигрался. Бросил все и приехал сюда, купил эту квартиру и долго просто пил, ничего не

делая. Пил до беспамьятства, потому что не знал, как дальше быть и что делать. А самое главное: смог бы я спасти Серегу, если бы знал, что это он?!.. Пойду попить воды, — он резко встал и пошел в кухню.

Выговорился! И сразу наступило опустошение. Никаких чувств, эмоций, только усталость.

Она неслышно подошла сзади, прижалась теплой грудью к спине:

— Ты знаешь, почему не разрешают делать операции родственникам?

Он кивнул.

— Ты сделал все, что мог, я уверена — прижалась щекой к его лопатке.

— Мне понадобилось полгода беспробудного пьянства, чтобы это понять, а ты это поняла за несколько минут?! — он вытащил ее из-за спины, прижал к себе. Если бы можно было ее никогда не отпускать!

* * *

— Хочешь, я тебе покажу одно место? Только надо одеться и поехать туда.

— Прямо сейчас? Ночью? — удивилась она, подняв лицо, чтобы заглянуть ему в глаза. Но он смотрел так умоляюще, что стало совершенно неважно, что там за окном мороз минус сорок.

Они быстро оделись, шаловливо выдергивая одежду друг друга и глупо подхихикивая.

Не успели выскочить из подъезда, как мороз уже стиснул обоих в своих медвежьих объятиях, так что не вздохнуть.

Хорошо в машине уже стало тепло: пока они собирались, Дима успел включить печку.

Перед тем как юркнуть на пассажирское сидение, Рянка показала ркой в рукавике на оцарапанный бок машины:

— Это стало причиной, что ты бросил пить?

Она уже знала эту историю от его матери, но хотела, чтобы он рассказал ей все до конца.

— Да, — кивнул Дима. — Именно тогда понял, что уж лучше лечить людей, чем их калечить.

Они ехали молча по темной ночи, так было хорошо друг с другом, что не хотелось даже говорить. Она наслаждалась тем, как он вел машину, красиво, уверенно, по-мужски.

Неожиданно он остановился.

— Приехали?

— Ага, — он кивнул вперед, чуть подката машину к обрыву. Внизу открывался вид на город, вернее на мозаику огней уличный фонарей и окон домов.

— Красиво! — тихонько проговорила она, беря его за руку, как будто стараясь разделить с ним свой восторг.

Он на время заглушил двигатель и наступила торжественная тишина, дополнившая величественности открывавшемуся виду.

— Ух ты! — прошептала она, вглядываясь вперед и время от времени подставляя его взгляду свое улыбающееся лицо.

Пошел снег. Сначала редкими белыми хлопьями, падающими на лобовое стекло, а потом все чаще и чаще. Стало совсем тихо, снег поглотил все звуки... весь мир снаружи. Как будто остались только они вдвоем и больше никого во всей вселенной. Огромные снежинки медленно с достоинством опускались на стекло, это было похоже на танец, тихий, грациозный танец. Если до этого момента тишина была органична окружающему миру и их ощущениям, то сейчас этому танцу не хватало звука. Как будто почувствовав это он начал говорить тихим низким голосом, от которого у нее мурашки побежали по спине от наслаждения:

— Знаешь, одна моя пациентка, она работала на строительстве башни, первого небоскреба в Москва-сити, так вот она как-то рассказывала мне, что на большой высоте, на уровне сорокового или пятидесятого этаже потоки воздуха идут вертикально вверх, захватывая с собой дождь и снег. Так что стоя на каком-нибудь пятьдесят первом этаже можно наблюдать, как снег падает вверх!

Он не заметил, как она вся застыла, заледенела как статуя. Даже глаза не двигались. А он все смотрел сквозь стекло, наслаждаясь падающим снегом, тишиной и теплом ее ладонки в его руке.

— Что ты сказал? — выдохнула она одними губами.

Он повернулся к ней со счастливой улыбкой на губах:

— Было бы здорово посмотреть, как снег падает вверх, да? — повторил он.

— Я вспомнила... — прошептала она, вглядываясь в его глаза.

* * *

Она откуда-то издали слышала его голос, как маяк в буре, сквозь которую ей надо пройти во что бы то ни стало:

— Интересно было бы хоть разочек посмотреть — да?

Что-то щелкнуло в ее мозгу, и она не моргая с открытым ртом уставилась на него невидящими глазами.

Как снег падает вверх... снег падает вверх... снег... падает... вверх... и змейка огней третьего кольца далеко внизу... под ее ногами... на 61-ом этаже...

Потом перевела взгляд на большие мохнатые хлопья снежинок, тихо-тихо падающих на лобовое стекло.

Как снег падает вверх...

— Я вспомнила... — прошептала она хрипло и как-то отстраненно.

Она вспомнила картинку — как она смотрела на такие же крупные снежинки в темноте ночи сквозь стекло, находясь на 61-ом этаже, и снег падал ВВЕРХ. Она тогда впервые видела такое

чудо и не могла им налюбоваться! Там в Москве, в другой жизни, в своем офисе, вечером, доделывая работу и пережидая, когда спадут пробки, чтобы ехать домой. Домой... в свою квартиру. Она любила свою квартиру, все подбирала сама, без всяких новомодных дизайнеров. Пусть у нее были не самые дорогие вещи в квартире, зато они были выбраны и подобраны с любовью и создавали уют. Дом... Как будто пахнуло-поманило знакомым запахом.

Она снова посмотрела на его застывшую фигуру в темноте зимней ночи. Он сидел не шелохнувшись, боясь спугнуть что-то невесомое зыбкое.

— Что... вспомнила? — тихо ровным шепотом спросил он. Так просят самоубийцу положить пистолет.

— Свой кабинет на 62-ом этаже в Москва-сити.

— Ого! — он аж присвистнул.

— Ага! — улыбнулась она. — Высоко!

Помолчала, а потом сказала, кокетливо наклонив голову вбок:

— А зовут меня Зоряна Владимировна Зеленская.

— Как?... Как??? — Он развернулся к ней всем корпусом и уставился в ее глаза. Мгновение его лицо оставалось неподвижным, а потом он резко откинул голову и расхохотался. — Я... мне... твои родители не дали мне ни единого шанса!

— Что?... — она никак не могла понять причину такого бурного веселья.

— Зоряна? — переспросил он, давась от смеха и утирая выступившие слезы. — Да я в жизни бы не угадал твое имя!!!

Он хлопнул ладонью по рулю от избытка чувств.

Она тоже рассмеялась таким счастливым заразительным смехом.

И вдруг неожиданно нахмурилась:

— Какое сегодня число?

Он вскинул руку, посмотрел на часы:

— Уже тринадцатое. Января, — на всякий случай уточнил он.

— Боже мой, — растерянно сказала она. — Надо срочно позвонить Олегу... А у меня нет его номера!.. Мне надо срочно ехать в Москву!

Она посмотрела на него, как на единственную надежду.

— Здесь где-нибудь летают самолеты?

Он не придал значения комичности вопроса и кивнул:

— Да, я отвезу.

Тринадцатое! А документы на тендер сдавать надо пятнадцатого! То есть послезавтра! Можно успеть, если очень сильно постараться и очень сильно повезет! Если есть самолет, если не будет пробок и таксист согласится везти с простым, потому как ей еще нужно будет как-то попасть к себе в квартиру, а запасные ключи есть у соседей и у Дашки на другом конце Москвы — опять-таки по пробкам, можно и сутки так кататься. А телефонные номера все были в мобильном, которого нет. Дома есть какая-то наличность — на такси точно хватит. Самое главное попасть домой! Ха, а почему собственно это самое главное, если мобильного нет, и ноутбук тоже нет. Что остается? Визитки и домашний телефон — если его еще не отключили за неуплату (зачем платить за телефон, которым все равно не пользуешься?!). Когда она в последний раз платила? — вот этого она точно не вспомнит. В крайнем случае попросить мобильный у Оли, соседки. Потом расплачусь — не проблема. Главное сейчас найти где-то в визитках телефон Олега и переделать документы на тендер.

Она вспомнила, только сейчас вспомнила, где видела этого лысого, который потом ехал с ней в купе. Он отирался возле нее, когда она регистрировала билет на вокзале перед отходом поезда. А потом она видела его с проводницей своего вагона, они очень интимненько о чем-то шептались. Она тогда еще усмехнулась: дорога дальняя, а лысый уже себе теплое местечко присмотрел. А еще в ее купе ехал высокий с бурыми волосами. Его она видела вместе с Игорем, этим скользким новым помощником директора! За недели две до отъезда, они сидели в ресторанчике. Она бы и не обратила на них внимания, но этот с бурыми волосами посмотрел прямо на нее и быстро отвел взгляд, как будто не хотел, чтобы она его видела. Она тогда не придавала этому значения. А сейчас все складывалось, как кусочки головоломки.

Она попыталась вдохнуть поглубже, но подбирающийся ужас обхватил грудь стальным обручем — в общем по классике: ни охнуть — ни вздохнуть!

Как же так! Она же что-то заподозрила краем сознания тогда, в купе. Хотя они ничем себя не выдали, но что-то было в поведении этих мужчин... Или эти совпадения мозг сопоставил еще тогда, когда она садилась в поезд?! Именно поэтому она таскала с собой сумку с кошельком и ноутбуком в туалет. Тяжело и неудобно, а что поделаешь — так все будет целее?! Вот про минералку, бутылку которой она сразу поставила на стол в купе, даже не подумала! А они видимо в нее и подсыпали или подлили — в чем там клофелин бывает? — пока она была в туалете. А в вагоне было жарко (интересно тоже их работа или совпадение?) — пить хотелось страшно! Вот она и выдула почти всю бутылку и почти залпом. Дура! В следующий раз ни за что с мужиками в одном купе не поеду! Точнее в следующий раз ни за что не поеду на поезде! Хотя если им нужен был ее ноут, они могли то же самое и в самолете проверить, да и на машине.

Кто знал, что она уезжает? Олег, директору сам бог велел, Игорь, скользкий угорь, секретарша, та могла кому угодно... Она даже Дашке ничего не говорила, та так отнекивалась от ее компании на новый год, что Рянка даже подумала, уж не стала ли ее физиономия ей в тягость, не вызывает ли она нехорошие ассоциации с этим ее бывшим олигархом?

Мозг как части головоломки услужливо подсовывал картинку за картинкой. Игорь, слишком интересующийся, как продвигается ее работа над документами по тендеру. А он вообще какое отношение имеет к документам?! Однажды она его застала в своем кабинете, он что-то соврал, она не поверила, но звонок телефона отвлек ее, а потом она забыла об этом случае. Сейчас картинки мелькали, как слайды перед глазами, складываясь в единую ленту, как будто фильм снимался.

Игорь, документы, двое в купе... Игорь, поступивший к ним на работу где-то в ноябре и слишком быстро освоившийся в их коллективе и на своей новой должности. Ей он не понравился с самого первого взгляда, какой-то он был скользкий, и эти его бегающие, словно ошупывающие все и всех, глазки... Олег правда отнес это на счет нетрадиционной ориентации, чему Рянка, конечно, удивилась, но вида не подала. Мало ли! Не ее дело, лишь бы работы не касалось. Но это касалось работы, ее работы. Он совал свой нос куда надо и не надо. У нее создалось ощущение, что подлавливал ее даже, когда она шла из туалета в кабинет. При этом ничего криминального не было — пожаловаться на него она не могла, все было в пределах разумного, не к чему придраться. И все-таки какой же он был скользкий!

Документы на тендер готовились несколькими отделами — большая работа. Но последние правки, а также разбивку стоимости делали она и Олег, конфиденциально, чтобы никто не знал стоимость проекта, подаваемого на тендер. В последний день перед поездом они обсудили с Олегом последние коррективы, и она вчерне внесла их, собираясь в течение длинных праздников просмотреть все несколько томов документации, хранящейся у нее в ноутбуке. У Олега, конечно, хранилась копия, но не самая последняя. И цены, цены вносила только она после обсуждения с Олегом.

Сейчас было ясно как день, что то, что с ней произошло: поезд, потеря памяти, — все это было из-за тендерных документов. Другой причины не было!

А если это из-за тендерных документов, то у нее двое суток, чтобы исправить положение. Им очень нужен этот проект!

Только без паники! На чем мы остановились? Да, телефон Олега... А если его визитки у нее нет — в самом деле зачем ей его визитка, они столько лет работают бок о бок! (И за все это время она ни разу не теряла мобильный, он всегда был с ней! Всегда! Чуть ли не спала с ним! Поэтому она и не пыталась запомнить ни один номер, чтобы не загружать мозг лишней информацией...) И вот настал все-таки такой момент! Можно еще посмотреть его телефон на их сайте в интернете — но там наверняка только рабочий, по нему фиг дозвонишься. На крайняк можно будет поехать прямо в офис, у нее, правда, нет пропуска, но можно позвонить секретарше, та что-нибудь придумает, в конце концов, всегда можно взять гостевой пропуск. Правда. С прошлого года правила выдачи пропусков ужесточились в связи со взрывами в Домодедово, но можно же что-нибудь придумать! О нет! Нет! Только не это!

И словно услышав ее мысли, Дима сказал каким-то бесцветным голосом:

— У тебя нет паспорта, так что на самолете не получится.

Черт! Она не успеет!

— Я отвезу тебя в N, оттуда идет много поездов в Москву. Если повезет, успеем на скорый, тогда ты сможешь доехать за двенадцать-тринадцать часов.

«Так долго!!!»

— Хорошо, спасибо, — быстро кивнула она, возвращаясь к разрабатыванию плана спасения тендерных документов.

* * *

— Я от него ребенка хочу, — прошептала Рянка Дашке.

Они сидели у Рянки дома, уютно устроившись с большими чашками чая на мягком большом диване, закутавшись в пледы, спустя три дня после ее возвращения. План спасения, разработанный Рянкой, сбоев не дал. Она нашла визитку Олега в своем портфеле (вспомнила, что они недавно ходили на совещание вместе), дозвонилась Олегу от соседей (те оказались дома и согласились помочь, Павел даже предложил подвезти или одолжить денег). Потом они с Олегом сутки сидели над документами, на сколько возможно меняя цены, а потом она уехала домой спать. Получила только смску на новый телефон выданный Олегом, что документы успешно поданы на тендер, теперь остается только ждать. Дома она спала почти сутки, пока не проснулась от тоски. Тоски по чему-то утерянному, упущенному. Она позвонила Дашке и рассказала ей всю невероятную новогоднюю историю.

— Хочешь ребенка — так езжай к нему в Энск и беременных!

— Но... — неуверенно протянула Рянка.

— Никаких «но»! Откуда у тебя эта неуверенность? Ты же всегда напролом шла, ничего не боялась! А сейчас что случилось? — воскликнула Дашка. — Ну что такого?! Тебе нужна в принципе только его сперма. Вот и смотри на это как на сдачу анализов! А там всякие поцелуи и ласки — это просто приятное дополнение.

Но увидев, как взгляд подруги в миг стал мечтательным при упоминании о поцелуях, пробормотала:

— Н-да, Зеленская, втрескалась ты в него по самые по уши.

— Что есть, то есть, — вздохнула Рянка. — Поэтому совершенно не представляю, как к нему ехать? А сердце здесь оставить или как? Я ж поплыву от одной его улыбки.

— Слушай, ты правда влюбилась! — удивленно прошептала Дашка, глядя на мечтательное лицо Рянки.

— Угу, — обреченно подтвердила Рянка.

— Дааа, любовь зла...

Звонок мобильного разрушил мечтательную атмосферу. Дашка побежала за телефоном.

— Да, Саш, да, скоро. Ты меня забереешь?... Через сколько?... Только давай сегодня останемся в Москве, — Рянка улыбнулась просящему голосу подруги. — Потому что с твоей гребаной Рублевки выезжать потом три часа надо по пробкам! — зло проорала она в трубку. И секунду послушав ответ, уже спокойным голосом: — Ладно, я тебя жду. Целую. До встречи.

Рянка кивнула на телефон:

— Уже веревки вьешь?

— Да, блин, не понимаю, если есть квартира на Белорусской, почему обязательно надо ехать в эту Тмутаракань, только чтобы переночевать. По пробкам пока туда доедешь, а обратно выезжать надо пораньше... Вот на хрена себе усложнять жизнь?!

Рянка улыбалась до ушей:

— Я смотрю у вас все серьезно!

— Ну, посмотрим, — улыбнулась Дашка. — Пока опять не пропадет, — рассмеялась она.

— Да куда он уже денется с такой-то подводной лодки! — Рянка окинула Дашку одобрительным взглядом. — Если вы во второй раз встретились, и все получилось — значит это судьба!

— Ой, только не надо пафоса, — расхохоталась Дашка.

* * *

— Олег, мне нужно уехать на пару дней, — сказала Зоряна неожиданно после очередного совещания. Она уже собиралась покинуть конференц-зал, но уже взявшись за ручку двери, передумала и повернулась к Олегу.

— Зоряна, ты ведь знаешь, мы начали дело о мошенничестве. Кроме того, эти двое из поезда должны понести уголовную ответственность.

— Олег, если честно, я в это не верю. У меня нет никаких доказательств, никаких улик. Просто мне на слово никто не поверит. Так что я не вижу смысла в моей «помощи». Я хочу уехать!

Ее голос сорвался почти на истерику. Олег недоуменно смотрел на всегда умеющую держать себя в руках Зоряну и не верил своим глазам.

— Зоряна, ты чего? — он был даже немного напуган таким ее поведением. Вообще после ее возвращения с новогодних каникул Зоряна вела себя не как обычно. Обычно веселая и жизнерадостная, теперь она мало улыбалась, всегда была чем-то озабочена. Но вот такого визга в ее голосе Олег не ожидал!

— Прости, — прошептала Ряна, прикладывая ладонь ко лбу, как будто проверяя у себя температуру. — Мне просто нужно привести мысли в порядок, а они никак не приводятся.

— Присядь, давай поговорим, — тут же предложил Олег, потянув ее за руку обратно к столу. — Что тебя гложет?

— Я другая, — сказала Ряна совершенно непонятную Олегу фразу. Она начинала пугать его все больше и больше. — Понимаешь, я так давно надела маску и она так прочно приросла ко мне, что я стала считать ее своим истинным лицом. Но я не такая. Я вдруг обнаружила, что я не такая сильная, и не такой оптимист, и что я плакса и... мне это понравилось... — закончила она шепотом.

— Ты это обнаружила из-за потери памяти?

— И да и нет. Я думаю, если бы рядом не было одного человека, то я бы так никогда и не поняла, что я в маске.

Олег облегченно улыбнулся.

— Что это за человек? О нем ты ничего не рассказывала!

— Человек, который никогда не приедет в Москву, потому что один раз он уже здесь обжегся.

* * *

— Да, мам, операцию тут нужно делать однозначно. Это скажет любой врач. Я не понимаю, зачем еще и у меня было консультироваться, — Дмитрий разговаривал с матерью, вынимая из

холодильника то, чем собирался поужинать.

— Димочка, ну перепроверили, тебе же не сложно было. Или тебя это тяготит?

— Мам, конечно, не сложно, — вздохнул он. Мать звонил почти каждый день, проверяя его состояние, как будто чувствовала, что он на грани. Что-то ушло из жизни, вот так блеснуло, поманило светом в конце туннеля и исчезло, как будто и не было. Иногда он задавался вопросом: а может, действительно, ничего и не было? Может это все ему приснилось? Или пьяный бред? Приснилась женщина с белой кожей и рыжими волосами в его рубашке. С все понимающими зелеными глазами. И пропала.

Только ее выписка из больницы, укором лежащая на столе в большой комнате, напоминала, что это был не сон. Он проскакивал эту комнату, чтобы только не смотреть на диван, на котором она спала.

— А Нина не появлялась? — осторожно спросила мать.

— Мам, сколько раз тебе повторять, ее имя Зоряна!

— Прости-прости, я забыла...

— Нет, не появлялась...

И уже попрощавшись с матерью и отключив телефон, горько улыбнулся:

— Зоряна, мелькнула как падающая звезда, и исчезла. А я даже желание не успел загадать...

Пальцы привычно отвинтили пробку бутылки вискаря.

* * *

— Палыч,...ик... привет, мужик!

— Демидов, ты на часы смотрел?

— Не-а! — гордо.

— Ты что напился? — Паша подскочил в кровати. Оля рядом зашевелилась, и он, чтобы не будить ее, вышел в другую комнату.

— Ага! Вот бери меня тепленьким! Возьмешь?

— Дим, ты о чем?

— А я уволился... Ты ж меня это... к себе звал...

— Демидов, ты серьезно? — спросонья Павел никак не мог разобраться, что происходит.

— Ага! Не могу я здесь! Сил нет! Везде рыжие волосы!..

— Дим, ты о чем? — Паша начал подозревать, что друг допился до белочки.

— Звезда! — объяснил пьяный Дима многозначительно. — Пленительного счастья, я пону душу влево в бок!

— Демидов, ты иди спать, выпишись, завтра с утра поговорим. Только не передумай приезжать! Я тогда сам за тобой приеду!

— Я уже билет на самолет взял, — сказал Димка. — Завтра вылетаю днем.

— Возьми такси из аэропорта, я все расходы оплачу.

— Да пшел ты!

— И приезжай сразу ко мне домой! Адрес помнишь? Ладно, я тебе завтра с утра еще позвоню. А сейчас спать! А то завтра в самолет не пустят!

* * *

Рянка крутила в руках билет, поглядывая на табло рейсов. Зачем приехала так рано в Домодедово?! Все не терпелось! Хотя сейчас стоя в огромном зале, не была так уж уверена, что поступает правильно. Ну хотя бы спасибо сказать главврачу и Елене Павловне и... ему, если захочет ее видеть, ведь она так внезапно уехала, ничего не объяснив и не объявившись, даже не позвонив. А она никак не могла прийти в себя от того, что произошло, как это изменило ее и ее жизнь. Вроде вернулась и все должно быть по-прежнему, вот только не получалось. Она стала другой, вернее вернулась к себе прежней, вспомнила, какой была когда-то, так давно. И уже не смогла соответствовать тому стилю жизни, темпу жизни в котором так свободно жила еще в прошлом году. Ей нужен был он для того, чтобы существовать дальше. Как что-то большое и стабильное, как индикатор того, кто она и куда идет, как нечто, что дополняет ее до целого... Вот только как быть если ему это не нужно?!

На табло высветилась надпись ее рейса 4242, она двинулась к стойке регистрации.

* * *

— Вниманию встречающих: совершил посадку самолет, выполняющий рейс номер 4242 Москва — К.

— Вниманию пассажиров, объявляется регистрация на рейс 4243, К. — Москва. Пассажиров просим пройти на регистрацию.

Подходя к стойке регистрации, Дима повернул голову, померещились рыжие волосы в глубине зала. Да нет! Откуда! А может?... Нет, не может! И взяв у служащей авиакомпании паспорт и билет, он решительно шагнул к дверям зоны вылета.

Выйдя из зоны прилета в зал аэропорта, Рянка с интересом крутила головой в разные стороны, думая, что делать дальше. Она никогда не была в К., тем более в аэропорту. Надо взять такси до Энска. Заехать сначала в больницу, вдруг он там?! А там видно будет...

* * *

В регистратуре больницы хамовитая девица бросила ей, что Демидов больше здесь не работает, а главврач Смирнов уехал в область.

Она два часа колесила по городу в поисках дома его родителей. Димка как-то однажды возил ее туда, но вспомнить сейчас было сложно. Отчаяние подступало, душило еще не пролитыми слезами. И все-таки она узнала дом и подъезд.

— Кто там? — спросил знакомый голос.

— Елена Павловна, здравствуйте, это Зоряна... вернее... вы меня Ниной называли...

Щелкнул открывающийся замок.

— Ниночка, детка, — Елена Павловна прижала пальцы к губам. — То есть... Зоряна... Проходи...те, — поправилась она, оглядев Зоряну от выпрямленных утюжком рыжих волос, сейчас свисающих прямо с двух сторон узкого бледного лица, мехового мантио до сапожек на высоких каблуках.

— Я ненадолго, — сказала Ряна, переступая порог.

— Заходи, заходи, погрейся. Я сейчас чайник поставлю... — засуетилась Елена Павловна.

— Пожалуйста, я не хочу вас утруждать. Я заехала спросить, как у вас дела и сказать вам спасибо большое, что помогли мне тогда.

— Деточка, да я же ничего и не сделала, — развела она руками. — За что спасибо-то?

— За поддержку, за ваши кулебяки, — улыбнулась Рянка. И Елена Павловна вдруг снова увидела в ней ту потерянную девочку.

— Заходи, чаю поьем, — начала затягивать ее на кухню. — Не на пороге же стоять!

— Елена Павловна, меня правда, такси ждет. Я хотела... — она запнулась и посмотрела вниз на носки своих замшевых расшитых сапожек. — Вы не знаете, где Дмитрий? — подняла глаза на его мать. — Я его тоже хотела поблагодарить, — зачем-то добавила она.

— Он ведь уехал, — ответила Елена Павловна.

— Мне в больнице сказали, что он уволился, но не сказали, что уехал, — медленно проговорила Рянка.

— Да, сегодня ночью рано уехал. Сказал только, что, как обустроится, даст знать.

— А вы мне его номер телефона не дадите? — спросила Рянка робко.

— Конечно, дам! Сейчас! — она побежала в кухню, и только теперь Рянка услышала, что там работал телевизор. — Вот, — она протянула Рянке свой мобильный с открытым номером, Рянка быстро переписала его в свой телефон.

— Спасибо вам большое. Я вам очень благодарна. И вам и Дмитрию. Вы мне очень помогли. Вот, — протянула свою визитку. — Здесь все мои телефоны и рабочие и мобильный, я там новый написала ручкой. Если вам что-нибудь понадобится или вы будете в Москве, пожалуйста, позвоните, я сделаю для вас все что нужно.

— Спасибо, милая! Я передам Димке, — понимающе кивнула Елена Павловна. Ведь видела, что Ряна именно на это и надеется.

Распрощавшись с гостеприимной Еленой Павловной, Рянка слетела по лестнице вниз, желая поскорее оказаться в такси, где можно было набрать заветный номер и услышать его голос.

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети» — раздалось ей в ухо.

— Куда теперь? — спросил таксист, оглядываясь на заднее сиденье.

— В аэропорт, — ответила она, чувствуя как глаза наливаются слезами.

Ряна не знала, что буквально за секунду до ее звонка, в Москве Дима вытащил свою карточку из телефона, чтобы поменять ее на московскую...

А старую карточку, как и старую жизнь с бутылками в старой хрущевке, выкинул в мусорное ведро.

* * *

— Mam, привет, прости что не звонил. Пока устроился, карточку новую поставил, клинику посмотрел.

— Димочка, ну нельзя же так! Уже три дня прошло, от тебя ни слуху ни духу. Мы же волнуемся.

— Mam, прости. Извини, честно, Паша меня по клинике водил, строили планы на будущее. Ладно. Как вы с папой? Как себя чувствуете?

— Нина приезжала, — выпалила Елена Павловна.

— Ккктооо? — Димка аж сел на стул в своем новом кабинете.

— Ну то есть Зоряна, приезжала, такая модная, красивая! Оставила свою визитку, а я, дура старая, засунула ее в карман штанов, а штаны постирала, — мать чуть ли не всхлипывала от досады.

— Чтоооо? — Димка никак не мог прийти в себя. Она появилась! Она приезжала! — Когда???

— Что «когда»? — не поняла мать.

— Когда она приезжала?

— Да вот только ты уехал... в тот же день она заходила. Я ей твой телефон дала, но она видимо не звонила?

— Я выкинул карточку... — прошептал Димка.

— Что?

— Я выкинул карточку, как только приехал в Москву, — сказал он громче и уронил голову на стол.

— А... — Елена Павловна размышляла.

— Все, мам я позже позвоню. Мне надо идти.

С того дня он каждый вечер ездил в Сити-центр Москвы, блуждая между небоскребами в надежде увидеть рыжие волосы.

* * *

— Дим, куда ты опять собрался?! — спросил Паша, глядя на друга, натягивающего дубленку. — Ведь суббота!

— Я пойду, прогуляюсь. А после обеда несколько квартир посмотрю, договорился с агентством.

— Куда ты вечно пропадаешь? — удивился Паша.

— Да так. Ничего конкретного, — отмахнулся Демидов.

— Ну не хочешь говорить — не надо.

Вдруг уже стоя в открытой двери, Дима обернулся:

— Слушай, Паш, а у тебя есть знакомый частный детектив?

— Хм... ну надо подумать, — ответил тот. — Найдем, если надо. Я с Андреем поговорю, это мой друг, он должен знать или сам может поможет.

— Хорошо, — кивнул Дима, нажимая кнопку лифта. — Ты с ним поговори, ладно?

— Ладно. Поговорю, — кивнул Паша, глядя на закрывающиеся двери лифта.

* * *

Рянка долго стояла на лестничной клетке, слушая как лифт едет вниз и не решаясь позвонить в дверь к соседям, молодой паре, недавно родившей ребенка. Рянка знала, что Павел работает в клинике, должны же у него быть знакомые врачи.

Наконец, собралась с духом и позвонила.

Дверь открыла Оля:

— Зорян, привет! — улыбнулась она. — Как дела? Что-то ты бледная в последнее время. Как там у тебя с тендером все утряслось?

— Да, — Рянка помялась. — Все вроде нормально, успели. Спасибо что помогли тогда.

— Да перестань. Какая помощь?! Ключи сохранили и телефон позвонить дали, ой, даже не напоминай!

— Спасибо, — улыбнулась Рянка. — Слушай, я хотела спросить. У тебя хорошего гинеколога нет на примете? Или может Павел подскажет? А то моя врач уехала за границу и я осталась без гинеколога.

— Да ты заходи, чего на пороге стоишь! Паш, к нам гости.

Они прошли в комнату и увидели чудесную картину: Паша, сидя на корточках перед детским стулом, пытался кормить хорошенькую малышку с огромными голубыми глазами. В руке девочки тоже была ложка, и она упорно пыталась набрать ею побольше каши.

Две пары голубых глаз уставились на Олю и Зоряну.

— Привет, Зорянка! — и посмотрев на Олю невинными глазами: — Нам понравилось кормить папу.

— А точнее папины джинсы, — вздохнула Оля, глядя на Пашку, всего извазюканного в каше, начиная от щек и заканчивая босыми ступнями.

— Эх, Настасья, не была бы ты моя дочь, я б давно тебя в окно выбросил, — сказал Паша дочери.

— Не говори ребенку гадостей, она еще не понимает, что ты шутишь, — как ни в чем не бывало сказала Оля. — Зоряна спрашивает гинеколога хорошего. Ты ее можешь к Давиду Вагановичу устроить?

— Да, конечно, — проговорил Пашка, пытаясь соскрести особенно большие куски каши с одежды. — А у тебя проблемы или просто посмотреться? — он поднял голову и взглянул на Зоряну.

Все врачи такие?! — подумалось ей. Вот только что он кормил ребенка кашей и шутил с женой и тут в момент превращается в совершенно другого человека, даже голос меняется!

— Думаю, у меня проблемы, — пожала плечами Рянка.

— Ладно, давай пока к Вагановичу, он посмотрит, а там, если что, направит тебя к другому специалисту по твоим проблемам, — обнадеживающе улыбнулся Пашка.

— Спасибо, — кивнула Зоряна.

Оля взяла на руки маленькое чумазое чудо:

— Ну что, идем мыться? — Улыбнулась она ребенку. Девочка в ответ залепетала на одной ей понятном языке.

* * *

— Ну, голубушка, на что жалуемся? — усадив ее на стул и обойдя стол, удобно устроился на своем месте гинеколог, как гласила табличка Данилян Давид Ваганович.

Он оказался огромным дядькой, за пятидесят, с огромными же волосатыми руками, которые он сложил на животе, в ожидании глядя на Рянку. Она с тихим ужасом смотрела на него, успокаивая себя мыслью, что Пашка порекомендовал его, как очень хорошего врача.

Вот уж кто Давид, так только не он, этот скорее Голиаф.

— Эээ...

— Да, многие женщины теряют дар речи при одном моем появлении, — подмигнул он Рянке, отчего та улыбнулась и расслабилась.

— Да, понимаете, у меня задержка.

— Так, Зоряна Владимировна, — взглянув на имя в карте, сказал он. — Вы тест на беременность не делали?

— Вы понимаете, я не могу быть беременной.

— Все возможно в этой жизни, голубушка, — покачал головой врач.

— Нет, это невозможно. Если только от святого духа, — усмехнулась она. Врач понимающе кивнул. — Видите ли, я перед новым годом подверглась переохлаждению, может быть у меня какое-нибудь воспаление и нужно пролечиться? И еще был стресс, может из-за этого?

— Ну, хорошо, голубушка, давайте вас посмотрим, — сказал он, грузно вставая из-за стола, опираясь большими руками о столешницу.

Рянка прошмыгнула за ширму раздеваться.

— Ну что, голубушка, — сказал Давид Ваганович, заканчивая осмотр. — Я пока ничего криминального не вижу. А давайте, голубушка, я вас все-таки посмотрю на УЗИ.

— Давайте, — пожала плечами Зоряна.

Пришлось одеваться, переходить в другой кабинет, подождать, пока он освободится, потом Голиаф договорился с узистом, или как там называется этот врач, посмотреть пациентку. Снова раздеваемся и ложимся, морщимся от холода оборудования.

— Хм, все бывает, голубушка, — задумчиво приговаривал он, пока всматривался в экран прибора. — И... что-то там... и бык летает... Н-да, голубушка, что я вам могу сказать...

Рянка вся напряглась в ожидании приговора.

— Поздравляю, вы беременны.

Она смотрела на него округлившимися глазами:

— Но... это... Невозможно...

— Милая моя, знаете, сколько барышень мне говорили то же самое? — улыбнулся он, потрепав ее по плечу. — А потом рожали здоровеньких малышей. Вы же, надеюсь, не будете отказываться от беременности?

И он посмотрел на нее с отеческим укором.

— Я... простите... погодите... но это невозможно! Последний половой акт у меня был сразу после месячных... и...

— Голубушка, вы же сами сказали, что было переохлаждение, может ваш организм среагировал и уменьшил цикл.

— Но у меня всегда 27 дней, что бы ни случилось. Я поэтому и пришла, что у меня никогда не было задержки!

— Голубушка, успокойтесь, вот посмотрите, — сказал он, поворачивая к ней экран, на котором в темном треугольнике светилось светлое пятнышко, на которое он ей указал. — Посмотрите, какая красота! Маточная, никаких изменений, прекрасная беременность!

Она все еще лежала, с трудом понимая, что происходит.

— Но как же... — прошептала она, глядя на светлое пятнышко.

— Все бывает, — кивнул врач и вышел из кабинета, давая ей время одеться.

— Да уж... и жук свистит, и бык летает, — в полном ступоре пробормотала Рянка.

* * *

Выйдя из кабинета гинеколога и бредя по коридору клиники, Рянка позвонила Дашке:

— Привет, можешь со мной встретиться?

По голосу Рянки, Даша тут же поняла, что встречаться надо кровь из носу.

— Где? — тут же ответила Дашка.

— Если можешь отпроситься пораньше с работы, давай у меня. Я сейчас еду домой, — Рянка завернула за угол и стала спускаться по лестнице.

— Хорошо, позвоню, как только освобожусь.

* * *

— Здравствуйте, Давид Ваганович! — заглянул в кабинет гинеколога Демидов.

— О! Какие люди! Дмитрий Саньч! Рад приветствовать! — Данилян вышел из-за стола и протянул вновь прибывшему руку. — Слышал, вы к нам вернулись.

— Да, вот, решил все-таки вернуться, — улыбнулся Демидов.

— И что вас сподвигло, если не секрет? Белов вас больше года пытался заполучить.

— Не поверите, Давид Ваганович! Ангел, явившийся мне перед новым годом! Вот этот ангел и вернул меня в Москву.

— Бывает же такое! — улыбнулся в ответ гинеколог.

— Я зашел поздороваться, но слышал, вы меня искали по какому-то интересному случаю?

— Да, хотел с вами обсудить мою пациентку...

— Только Давид Ваганович, я не оперирую, пока на испытательном сроке, — усмехнулся Демидов.

— Ну во-первых, я очень сомневаюсь, что Пал Сергееич вас уволит (уж очень он вас хотел заполучить), а во-вторых, мне сейчас не руки ваши нужны, а ваша гениальная голова.

— Вы мне льстите, — смущенно улыбнулся Демидов.

— Ой, не умаляйте свои достоинства, Дмитрий Саньч! — Данилян потрепал его по плечу. — Так вот, пациентка сложная, — и он выудил из стопки документов на столе папку, которую и вручил Демидову.

Вернувшись в свой кабинет, Демидов никак не мог понять, что ему не давало покоя с момента прихода в кабинет Данильяна. Он ломал голову, что зацепило его мозг, не затронув сознания. Он что-то увидел, но вот что и где? Что-то важное, но никак не мог ухватить что именно. Он несколько раз прошелся по коридору и лестнице клиники и никак не мог восстановить в памяти, что же он увидел.

* * *

— Здорово! Будем нянчиться! — радостно отреагировала Дашка на новость о беременности. — Рян, ну чего ты такая...

— Какая? — переспросила подруга.

— Такая никакая!

— Никак не могу привыкнуть, — растерянно посмотрела на нее Рянка.

— Но ты ведь этого хотела? — осторожно спросила Даша.

— Да, хотела, но... бойтесь своих желаний, ибо они могут исполниться, — усмехнулась Рянка. — Я просто не ожидала, что это произойдет так скоро.

И она снова растеряно уставилась на Дашку в ожидании чего-то.

Дашка сама была в растерянности от разворачивающихся событий.

— Но ты же не думаешь... эээ... избавиться? — произнесла Дашка и сама испугалась тому, что спросила.

— Ты что! — Рянка прикрыла живот руками, как будто закрывая уши еще не рожденному ребенку: — Он же все слышит!

— Прости, маленький, — залепетала Дашка, наклоняясь к плоскому животу Рянки. — Прости, тетя не хотела!

В этот момент зазвонил Дашкин мобильный.

— Сашка, — радостно подпрыгнула Даша, побежав к вибрирующей и светящейся сумке.

Вернувшись в комнату к сидящей в растерянности Рянке, Даша выпалила:

— А хочешь, Саша привезет бутылочку вина с тортиком? Ой, какое вино — тебе же нельзя. Ну хочешь тортик?

Рянка отрицательно покачала головой.

— А что хочешь? — спросила Дашка, которая с трудом выносила такой растерянный вид у всегда собранной и позитивной Рянки.

Та подняла на нее свои большие зеленые глаза, которые к ужасу Даши, вдруг наполнились слезами. Миг, и крупные капли покатались по бледным щекам.

— Его хочу, — выдавила из себя Рянка, показывая рукой куда-то. Дашка оглядывалась и никак не могла понять, куда она показывает. — Вот так его хочу! — захлебываясь в рыданиях, хрипло выдохнула Рянка.

Дашка прислушалась. По радио Ирина Дубцова пела:

Я к нему поднимусь в небо,

Я за ним упаду в пропасть,

Я за ним, извини, — гордость,

Я за ним одним, я к нему одному.

Дашка в растерянности присела рядом с Рянкой и обняла ее.

— Значит, получишь его! Ребенок у тебя уже есть! Дело за малым: разыскать его папочку! — бодро сказала Дашка, хотя чувствовала, что эта ее бравада звучит фальшиво. Если честно, она чувствовала себя не в своей тарелке, успокаивая рыдающую Рянку. За много лет дружбы, она видела подругу в слезах впервые. Обычно Рянка ее успокаивала и встряхивала.

— Мне уже и самой интересно посмотреть на твоего Демидова! — заинтересовано произнесла она.

Рянка подняла голову, уставившись на Дашку и одновременно вытирая нос салфеткой.

— Что ж там за мужчина, который смог довести тебя до слез?! — улыбнулась Дашка обнадеживающе.

— Ты мне сначала своего Сашу покажи! — возразила Рянка. — И вообще, хочу тортик.

— На сон грядущий наесться тортиком — это ж святое дело! — улыбнулась Дашка, бросаясь к мобильному. — Сейчас все организуем!

* * *

А за стеной Демидов говорил с Пашей Беловым:

— Я помотался по адресам. Одна квартира мне понравилась. Завтра заключаю договор с хозяевами и послезавтра перееду.

— Дим, ну что за спешка! Можешь жить сколько нужно. Тем более тебя и не бывает практически дома. Оля всегда рада гостям, ты же знаешь. Вот только чудо наше иногда по ночам не дает спать... — развел руками Паша.

— Спасибо, Паш, мне, правда, нужно обустраиваться самому.

— Ну как знаешь, — кивнул Павел, понимая, что Демидову нужен собственный угол и уединение.

* * *

— Ну как? Все в порядке? — спросила Оля, когда они с Ряной столкнулись в подъезде.

— Ну как! Можешь меня поздравить, я беременна, — рассмеялась Рянка.

— Поздравляю! — расцвела Оля в улыбке и кинулась обнимать Рянку.

— Япону душу влево в бок! — пробормотала Рянка, ударившись ногой о ступеньку.

— Что? — удивленно уставился на нее Пашка, показавшийся в открытой двери их квартиры.

— Да так... одно выражение бывшего друга, — уклончиво сказала Рянка, скрываясь за своей дверью.

Паша еще некоторое время постоял в дверях, задумчиво глядя на Рянкину квартиру.

* * *

Демидов вошел в кабинет к Данилян.

— Ну что тут у нас? Как вчерашняя пациентка?

— Да, со вчерашнего дня пока никаких изменений, — усмехнулся Давид Ваганович. — Входите! — ответил он на стук со стороны двери.

В кабинет вплыла медсестра в розовой униформе, зазывно посматривая на Демидова.

— Давид Ваганович, я сегодняшние карты принесла, — сказала она, улыбувшись Демидову, и положила на стол стопку карт.

Демидов не мигая уставился на стопку. Что-то крутилось в голове, что-то, что не давало ему покоя со вчерашнего дня. Карты... карты... стопка голубеньких карт на столе, точно так же как вчера...

Он подошел поближе к столу и потрогал пальцами верхнюю карту, как будто она могла подсказать ему ответ. «Осипова Татьяна Георгиевна» было написано на карте. Вот оно!

Демидов резко развернулся к Данилян, который к тому времени уже выпроводил медсестру.

— Давид Ваганович, у меня к вам странный вопрос, — затаив дыхание, произнес Демидов.

Данилян удивленно посмотрел на него и слегка кивнул, подняв кустистые брови.

— У вас нет пациентки с именем Зоряна?

— Да, вчера была на приеме, — спокойно кивнул Данилян, не замечая внезапно побледневшего лица Демидова. — Имя редкое, мне хорошо запомнилось. Ваша знакомая? — спросил он в ответ Демидова.

— А... а с ней что-то не в порядке? — в горле пересохло и очень хотелось сглотнуть, но было страшно спугнуть удачу.

— Беременность, пять недель.

Ноги перестали держать, и Демидов плюхнулся на стул для пациентов.

— Дмитрий Саныч? С вами все в порядке? — Данилян озабоченно нагнулся к нему, уж больно тот был бледным.

— Это мой ребенок, — прошептал Демидов хрипло, зачем-то рассматривая свои руки.

— Эээ... поздравляю? — произнес Данилян растерянно.

— Да, спасибо, — отрешенно кивнул Демидов, не отрываясь от увлекательного занятия — рассматривания собственных ладоней.

Все анализы сданы. Ряна была уверена, что все в порядке, поэтому отвела на визит к врачу не больше получаса. Решила заехать в клинику в обеденный перерыв, а потом вернуться на работу. Зимняя Москва обдавала холодом и ледяным ветром. Ехать к гинекологу совсем не хотелось, но Рянка решительно сунула ноги в сапожки на каблуках, надела шубку и отправилась на стоянку к своей машине, по дороге все раздумывая позвонить или нет Елене Павловне. А если позвонить, что сказать? «Здасьте, я беременна от вашего сына, не подскажите, где его найти»? Глупо как-то все получилось. В принципе она спокойно может обойтись и без него на крайний случай, это гордость берет свое. Но тут же вступает в силу совесть: все-таки нужно ему сказать, что у него будет ребенок? Или не надо, пусть живет спокойно?! Она мучилась по этому поводу уже не первый день. Все никак не могла прийти к выводу, как правильнее поступить. На удивление пробок не было, и она необычно быстро добралась до клиники, раньше назначенного часа. Но Данилян был как раз свободен, правда немного замешкавшись, оставил ее в кабинете одну, после нескольких минут отсутствия вернулся и явно тянул время, не открывая ее карту и расспрашивая о самочувствии. Какое у нее самочувствие? Нормальное, она вообще ничего не ощущала. Даже иногда по ночам специально прислушивалась к своему телу, надеясь услышать хоть какие-нибудь признаки того, что беременна. Ну там, токсикоз или потягивание в низу живота, или еще что-нибудь. Но ничего не было. Правда, что-то случилось с настроением. Она не могла принять решение, вот например какой суп выбрать на обед, тот или другой, а может третий. Проблема выбора начала ставить ее в тупик. Это смущала всегда решительную и не жалеющую о принятых решениях Рянку. Но не теперь, что-то в ней изменилось. Правда, она не могла понять, то ли это связано с беременностью, то ли с предшествующими ей событиями.

И тем не менее лишь мысль о том, что где-то в глубине ее тела, в тепле и уюте зарождается новая жизнь, в которой есть и частица ее и частица него, заставляла ее лицо озаряться непонятной для окружающих блуждающей улыбкой. Она как будто светилась изнутри.

— Можно, Давид Ваганович? — спросили из-за приоткрытой двери.

— Да, входите, Дмитрий Саныч, — сделал Данилян приглашающий жест рукой. — Я думаю, вам нужно поговорить, — посмотрел он на Рянку, вставая и направляясь к двери.

Она замерла, узнав голос и не спеша поворачиваться к нему лицом.

— Да, я тоже считаю, что нам с Зоряной Владимировной нужно поговорить, — ответил знакомый голос.

А сердце затрепыхалось в груди, казалось, его бешенный стук слышен даже на других этажах. Ну что ж! Вот и момент истины! Она сглотнула, прочищая горло и убирая с лица какие бы то ни было эмоции и медленно повернулась к нему.

И вот тут Демидов испугался. По-настоящему в первый раз испугался. Перед ним стояла не его Зоряна, не та девочка с огромными зелеными озерами глаз. Эта холодная женщина с гладкой прической, бледным лицом, с красиво накрашенными глазами и блестящими губами, в белом пушистом (наверняка дорогушем) свитере и юбке, облегающей ее стройную высокую фигуру — эта женщина была незнакомкой. Она выжидающе смотрела на него ледяным колючим взглядом, как будто просчитывая каждый его шаг, как будто только и ждала, когда он ошибется. И он вдруг почувствовал, что весь этот разговор будет большой ошибкой. И малодушно захотелось сбежать, потому что ему в жизни не было так страшно.

Он собрался с силами, кашлянул и выпалил первое что пришло в пустую голову, потому что вся заготовленная речь оттуда вылетела, как только он посмотрел на нее:

— Как себя чувствуете?

Маска ее лица чуть дрогнула, потом где-то в глубине глаз показался свет, дошел до щек, окрасив их в еле заметный розовый оттенок (или это ему показалось), а потом она улыбнулась. И он выдохнул от облегчения, узнал в этой улыбке ее. Ту, которую искал, ту, с которой хотелось быть постоянно, ту, которой так не хватало по ночам в одинокой постели.

— Давид Ваганович уже задавал этот вопрос, — усмехнувшись, ответила она.

И этот голос чуть не сбил его с ног.

— Насколько я помню, ты хирург, и не гинеколог и даже не хирург-гинеколог, или как там это называется, — она снова улыбнулась ему, разглядывая его зеленую форму врача и белый халат сверху.

— А я интересуюсь не как врач, — ответил он, стойко выдерживая ее взгляд.

— А как кто? — дрогнувшим голосом спросила она, опуская глаза.

Это придало ему силы. Если бы ее голос не дрогнул, если бы она не опустила глаза, он бы не осмелился сказать:

— Как отец.

Она низко опустила голову, вся кровь бросилась ей в лицо, а глаза мгновенно налились слезами. Она резко отвернулась, пытаясь смахнуть их так, чтобы он не заметил. Но он увидел:

— Зоряна?

— Дда... — горло перехватило.

— Я... ты плачешь?

— Ннет... — всхлипнула она, пытаясь проглотить рвущиеся рыдания. А слезы все лились по щекам, смахнуть их незаметно стало невозможным, да и шмыгание носом раздавалось на весь кабинет.

— Зоряна, пожалуйста... — Демидов все так же не понимал, что делать, когда женщина плачет.

— Почему ты не позвонил? — выпалила она сквозь рыдания. — Я оставила все свои телефоны, я ждала, я даже в туалет ходила с телефоном...

— Я... мама постирала брюки в которых была твоя визитка. Я нанял частного детектива, чтобы тебя разыскать...

— Правда? — она повернулась и посмотрела на него знакомыми мокрыми от слез глазами.

— Правда, — кивнул он, шагнув наконец-то к ней и, притянув к себе, спрятал в своих объятиях.

— А я думала, ты уехал, чтобы меня больше не видеть...

— Глупая, какая ж ты глупая...

— Ну вот и чудненько! — показался в дверях Давид Ваганович, радостно потирая руками. — Значит и мама и папа в сборе! Только, молодежь, у меня ведь прием. Может вы перейдете в кабинет Дмитрия Саныча?

Рянка прятала раскрасневшееся лицо на груди Демидова. А тот только счастливо улыбался и кивал в ответ Данилян, постепенно продвигая ее к выходу из кабинета гинеколога. Наконец, вытолкнув Рянку в коридор, он на секунду повернулся к Данилян:

— Давид Ваганович, а нам... эээ... а мы... ну... можно?

— Можно, можете даже не предохраняться, во-первых, все равно уже поздно, а во-вторых, у тебя тоже анализы чистые.

Окончание, Демидов слышал уже из коридора, куда выскочил и, схватив Рянку за руку, потащил к себе в кабинет. Но у кабинета их уже ждала медсестра с карточками.

— Черт, — буркнул про себя Демидов.

— Мне все равно тоже надо на работу, — как ей ни хотелось остаться, но она должна была еще закончить сегодня пару контрактов.

Он тяжело вздохнул:

— Не хочу тебя отпускать, — прошептал он так, чтобы слышала только она. — Мне кажется ты опять исчезнешь...

— Нееет, теперь ты не отвертишься! — улыбнулась она хищно.

— Очень на это надеюсь! — посмотрел он ей в глаза, от чего она почувствовала, что надо бежать быстрее, а то это пламя разгорится так, что до вечера они не дотянут.

Она уже развернулась, когда столкнулась нос к носу с Пашей, своим соседом.

— Дмитрий Александрович, зайдете ко мне? Я... Зоряна? А ты что здесь делаешь? Что-то с ребенком? — он вопросительно посмотрел на Демидова, топтавшегося на пороге своего кабинета, потом на Зоряну, заливающуюся алым цветом. Потом снова перевел взгляд на него и задумчиво произнес: — Ааа... значит, япону душу влево в бок? — он хитро посмотрел на Рянку, потом снова перевел взгляд на Демидова, уставившегося на раздумывающуюся Рянку. — Так, ребята, надо это дело обсудить по порядку. Давайте сегодня вечером к нам на чай с кофейком, а то мое любопытство просто зашкаливает!

— Не сегодня, — хрипло сказал Демидов, не отрывая взгляда от красного лица Рянки. — Давай, завтра, нам нужно многое сегодня обсудить.

Если бы возможно было покраснеть еще больше, Рянка бы была малинового цвета, настолько прозрачным был намек в голосе Демидова.

Но она глубоко вздохнула, улыбнувшись, попрощалась с обоими и поспешила к лестнице.

— Погоди, — очнулся Демидов. — А ты откуда ее знаешь?

— Она наша соседка, — пожал плечами Паша.

— Соседка? Вы в одном доме живете?

— В одном подъезде, на одной лестничной площадке. У нас квартиры рядом. А что? — и вдруг до него тоже дошло то, что дошло секунду назад до друга. — Так ты искал детектива, чтобы ее найти? — прыснул он со смеху, глядя, как Демидов кивает головой. — А она все время была у тебя под носом?! Ну ты даешь!

— Слушай, я же ее карточку смотрел, а на адрес даже внимания не обратил... зато мобильный врезался в память, никогда не забуду, — растерянно сказал тот.

+++++

Неизвестно слышал ли Пашка за стеной их игрища, но последовать совету Данильяна быть осторожным с Зоряной не получилось. Как только они добрались до ее квартиры (она настояла поехать к ней, а не в съемную Димкину конуру, ка она обозвала его жилище), Зоряна превратилась просто в тигрицу. И все его попытки быть нежным и осторожным рассыпались в прах. Страсть захватила, закружила обоих так, что они даже дышать забывали. На миг он даже испугался, что сделал ей больно, когда вошел в нее и увидел в ее глазах слезы. Но она тут же улыбнулась и, притянув его голову к себе, поцеловала нежно и страстно одновременно, как могла сделать только она, только его Зорянка.

— А ты знаешь, я испугался, когда увидел тебя у Данильяна в кабинете, — усмехнулся Дима, глядя, как его пальца играют с ее пальцами.

Она улыбнулась, зная причину, и все же спросила:

— Почему?

— Ты была такая деловая, ледяной и неприступная — другая. В Энске ты была совсем другой...

— Я была там такой, какая я есть, без налета снобизма, грубости и холодности. Такая ранимая и беспомощная, какая я где-то глубоко внутри. Никто не знает меня такой. Я научилась быть сильной, смелой и самостоятельной. Жизнь научила! — она вздохнула.

— Верни мне ту девочку! — вдруг попросил он серьезно. — Будь со мной тем светящимся чудом, улыбающимся при одном моем появлении! Мне нужна она, с гривой рыжих волос и заплаканными зелеными глазами, а не холодная бизнес-вуман с гладко-прилизанной прической (прямо волосок к волоску, сколько ж ты времени тратишь на это художество?) и с кучей косметики, выглядит как маска!

— А это маска и есть. Зачем, ты думаешь, женщины макияж наводят? Чтобы быть покрасивше? Чтобы быть увереннее и противударнее!

— Верни мне ту девочку!

— Демидов, ты же знаешь, что просто так в этом мире ничего не делается.

— О! Началось! Ладно, давай свои условия.

— Я взрослая женщина...

— Зря ты мне об этом сейчас напоминаешь, — он плотоядно облизнулся.

— Демидов, перестань, я серьезно, — она двинула его кулаком в плечо.

— Ай, ну больно же!

— Зато привлекла твое внимание! — хохотнула она. И он сразу узнал ту Рянку, в которую он влюбился. — Так вот, доживя до своих, не будем говорить сколько мне, лет...

— Можно подумать я не знаю! Всю твою карту вдоль и поперек изучил, да я даже строение твоих костей могу с закрытыми глазами нарисовать!

— Фу какая гадость! — она смешно сморщила носик. Потом опомнившись: — Демидов, ты мне дашь слово вставить или нет?

— Нет, — он потянулся к ней, она его резко оборвала:

— Я знаю, что мужчины далеко не моногамны. Вполне допускаю, что когда-нибудь я тебе надоем и что-то такое может случиться, — и видя его вытягивающееся лицо, продолжила побыстрее, пока он не послал ее куда подальше, что по выражению его глаз было очень даже возможно: — погоди! Я хочу договориться по-хорошему. Я понимаю, что измены не избежать. Поэтому прошу тебя о следующем...

— Двоеточие. Пункт первый...

— Если это будет просто секс по пьяни или для расслабления с понравившимся тебе телом, пожалуйста, сделай так, чтобы я об этом никогда не узнала, никаких повинных, никаких откровений, даже если я тебя буду подлавливать на горячем. Ты мальчик умный, придумашешь что-нибудь!

— За «умный» — спасибо, но в данном контексте звучит как-то пошловатенько, не находишь?

— Не-а, нормально! Пункт второй: если у тебя вдруг возникнет сильное и непроходящее чувство к какой-нибудь женщине, я хочу знать об этом первой. Не хочу проходить через унижения, узнавая о твоих похождениях от «доброжелателей», — она наклонила голову, пряча глаза, и он понял, что это с ней уже было, поэтому даже не стал шутить по этому поводу:

— Договорились, — кивнул он серьезно, но потом все-таки решил разбавить торжественность момента: — Надеюсь, ты не заставишь меня сейчас резать палец, чтобы скрепить наш договор кровью? У меня завтра операция, — предупредил он, глядя на ее порозовевшие от смущения щеки. — Да, обещаю, — на всякий случай еще раз серьезно повторил он. — А теперь мы может жениться?

— Ну, кто женится, а кто и замуж выходит, — улыбнулась Рянка.

— А ты, кстати, замужем была?

— Нет. А ты был женат?

— Нет. Вот и познакомились! — подвел он итог и, развернувшись к ней всем телом, прошептал ей в ушко: — Хороший секс — тот, после которого соседи выходят на перекур. Не дадим Пашке расслабиться?

Она взвизгнула, когда он попытался укунить ее за плечо:

— Там еще Оля и маленький ребенок, — напомнила Рянка, уже податливо выгибаясь ему

навстречу.

— Значит, попытаемся вести себя потише, — пробормотал он, наклоняясь к ее губам.

+++++

— Дашка, привет! Я замуж выхожу!

— Эээ... Привет, конечно. Но... можно уточнить и поподробнее, что случилось за последние двадцать четыре часа: между нашим разговором до твоего вчерашнего похода к гинекологу и сегодняшним обеденным перерывом? Ты выходишь замуж за гинеколога? Этого Голиафа?

Рянка рассмеялась.

— Нет, оказалось, что Димка работает в той же клинике.

— Твой Димка?

— Мой Димка!

— Так он в Москве? — Дашка аж задохнулась от волнения.

— Мало того, он по приезде в Москву жил у Паши, моего соседа!

— Вы жили в соседних квартирах? Вот это да! Погоди, а как вы женитесь? Он предложение сделал? На колено вставал? Кольцо подарил?

— Дашка, ну ты и романтик! Нет, конечно, ничего такого. Я даже не поняла, когда это решилось, как-то само собой получилось, что мы женимся. Никто никому предложения не делал.

— Ну в общем-то это было понятно и очевидно, — улыбнулась Дашка.

— Ничего очевидного не вижу, — улыбнулась в ответ Рянка.

— Ой, как я рада за вас! — вдруг воскликнула Дашка, не в силах больше сдерживать эмоции.

— Мне, честно, еще не верится. Как-то все быстро и само собой. Никаких обдумываний, принятия судьбоносных решений...

— Рян, а может так и надо! Вот так просто, взяли и поженились. Когда кстати женитесь?

— Не знаю, — рассмеялась Рянка. — Ой, извини, он на другой линии. Все, пока, перезвоню. Да, милый... — это было уже предназначено Димке.

+++++

— Привет, ты сильно занята сейчас?

— Ну как? Обеденный перерыв... — растеряно сказала Ряна.

— Можешь на пару часиков уехать?

— Мммогу... — надо сейчас поговорить с Олегом, подумала она про себя.

— У тебя паспорт с собой?

— Дддааа... Дим, что случилось?

— Ничего не случилось. Выходи, я тебя внизу жду. Я договорился через своего бывшего пациента, и Пашка помог. В общем нас сейчас могут расписать. Только давай быстрее, еще надо кольца успеть купить.

Вот так она ушла на обед незамужней девушкой, а вернулась в офис замужней дамой с приятно поблескивающим золотым колечком на безымянном пальце.

+++++

Она орала на него уже минут пять. Как только голос еще не сорвала! Сначала дулась, как полагается, и на все его попытки выяснить, что случилось, только гордо отмалчивалась. А потом ее прорвало. А когда буря закончилась, она обессилено опустилась на диван:

— Как ты меня, такую стерву, терпишь? — подняла на него глаза с искренним изумлением.

— Люблю, — сказал он просто, пожав плечами, мол, что непонятного, все ясно как дважды два.

А она остолбенела, за пять месяцев совместной жизни он впервые сказал, что любит. Села и заплакала.

— Зоряна, девочка, ну ты что? — Демидов так и не научился справляться с женскими слезами. Сидел, растерянно глядя на нее.

— Прости-прости, — замахала она руками, пытаясь остудить лицо. — Это из-за беременности...

+++++

— Тяжело? — сочувственно спросил Пашка, впуская Демидова к себе в квартиру.

— Ты даже не представляешь на сколько! — ответил Дима с тяжелым вздохом. — Она меня просто разрывает! Всю душу вымотала!

— Пива будешь?

— Неее, она запаха алкоголя не выносит.

— Что на этот раз?

Пашка на правах соседа уже был в курсе всех «прегрешений» Димы.

— Ревность, — устало сказал Дима.

— Кто кого? — со знанием дела спросил Пашка. Он-то это уже прошел в свое время.

— Вчера я ее. Просто сказал, что по-моему ее вырез чересчур открытый. Лучше б я промолчал!

Пашка хмыкнул с видом знатока:

— А она что?

— А то ты понятия не имеешь что она! — возмутился Дима. — Начала нести чушь, что я ее тираню и толкаю на ношение паранджи. А сегодня...

— Ну?

— У нас ночевала Даша, знаешь, Рянкина подруга?

— Ага, — кивнул Пашка, потягивая пиво. — И что?

— Сегодня утром я был в душе, Даша на кухне что-то закричала. Я испугался, что что-то случилось, ну загорелось или еще чего. Завернулся полотенцем, выскочил из ванной. Так Рянка на меня так посмотрела! Как будто я продал все святое и все нефтезапасы нашей родины американцам! Вот объясни мне — я что, голый, выскочил из ванной?

— Была бы Оля дома, она бы тебе очень доступно объяснила, как чувствует себя беременная женщина в разных триместрах. А ты тоже! Не мог одеться?!

— И ты туда же? Я и так уже не знаю куда деваться, чтобы ее не раздражать. Когда это закончится?!

— Поверь мне, когда это закончится, начнутся бессонные ночи, так что ты будешь с ностальгией вспоминать эти дни.

— Ох, сомневаюсь, — Демидов грустно провел рукой по волосам.

+++++

— А что наш Демидов мечется у себя в кабинете, как тигр в клетке? — спросила одна молоденькая медсестра, Яна, другую, Настю.

— А ты что еще ничего не знаешь?

— Чего не знаю?

— Так у него жена рождает у Данильяна.

— Уже?

— В срок, как полагается. Они сначала хотели партнерские роды, чтобы Демидов на родах присутствовал, ну как все отцы. А он так достал Давида Вагановича своими указаниями, что тот его выгнал из предродовой и сказал не подходить к родильному отделению вообще. Еще и охрану выставил, приказав Демидова не подпускать. Так он теперь и мечется у себя. Просит нас время от времени бегать узнавать как там дела. Злой — ужас! Скоро всю хирургию по камешкам разнесет.

Медсестры понимающе улыбались.

— Яна, — позвал Демидов, открыв дверь своего кабинета.

— Да, Дмитрий Александрович, — отозвалась Яна.

— Не могли бы вы сходить в родильное отделение и узнать, как там рождает Демидова.

- Нашел новую жертву, — прошептала Настя.
- Вы что-то сказали, — насупил брови Демидов.
- Нет-нет, Дмитрий Александрович. Уже ухожу.

Яна вернулась, как и предыдущие жертвы без новостей.

- Вот, старый хрыч! — в сердцах выпалил Демидов, теребя волосы на затылке.
- Это кто здесь старый хрыч? — возмутился только что материализовавшийся Данилян. — Я ему новость несу, а он обзывается, — он обиженно надул губы.

На Демидова страшно было смотреть, он замер и даже, казалось, не дышал, в ожидании новостей.

- Сын у тебя, Дмитрий Саныч! Четыре-сто — гордо сказал Давид Ваганович.
- Сын, — как будто пробуя на вкус слово, повторил Демидов, все еще не дыша. — А... Рына?
- Зоряна Владимировна в полном порядке. Никаких поводов для беспокойства! Устала, сейчас спит.

Он еще не успел договорить, как его сжали в медвежьих объятиях.

- Ну-ну, — потрепал Данилян Демидова по руке. — Коньяка-то нальешь? Сына обмыть надо!

Демидов молча метнулся к шкафу, вытащил припасенную именно на этот случай бутылку коньяка и крикнул в коридор:

- Заходите все! У меня сын родился!
- Поздравляем, Дмитрий Александрович! — сказали не успевшие уйти медсестры.

Эпилог

Примерно за неделю до Нового года

Плечи болели от долгого сидения за компьютером. Немного отпустило после того, как она спустилась вниз на цокольный этаж в аптеку. Вернувшись к себе в кабинета, решила посмотреть, что там с пробками. Третье кольцо, огненной змеей охватывающее город, конечно, замерло без движения. Стоять в пробке никак не хотелось. Придется ждать в офисе, когда схлынут пробки. Постояла немного, разглядывая одинокие снежинки, крутящиеся и взмывающие вверх, и улыбнулась тому, как иногда может повернуться жизнь, вспоминая события пятилетней давности. Перевела взгляд и посмотрела на свое отражение в темной стеклянной стене — отражение счастливой женщины. У нее в жизни есть все, чего она хотела, любимый и любящий муж, чудесный сорванец сын и любимая работа, чего еще желать женщине? Может... Может, вот только исполнить желание мужа: подарить ему дочку?!

Она оглянулась и посмотрела на тест на беременность, который бросила на стол, вернувшись из аптеки. В общем-то, он ей не был нужен, чтобы знать точно — она это чувствовала! Но будет здорово подарить ему описанную палочку на Новый год... Ее Димка точно будет в восторге!

И как всегда, когда она думала о нем, зазвонил телефон. Она улыбнулась еще прежде, чем взглянула на экран. Она знала, что это он. Он звонил как-то по-особенному, она всегда могла почувствовать, что звонит именно он.

— Да, милый...

This file was created
with BookDesigner program

31.12.2012

mir-knigi.org